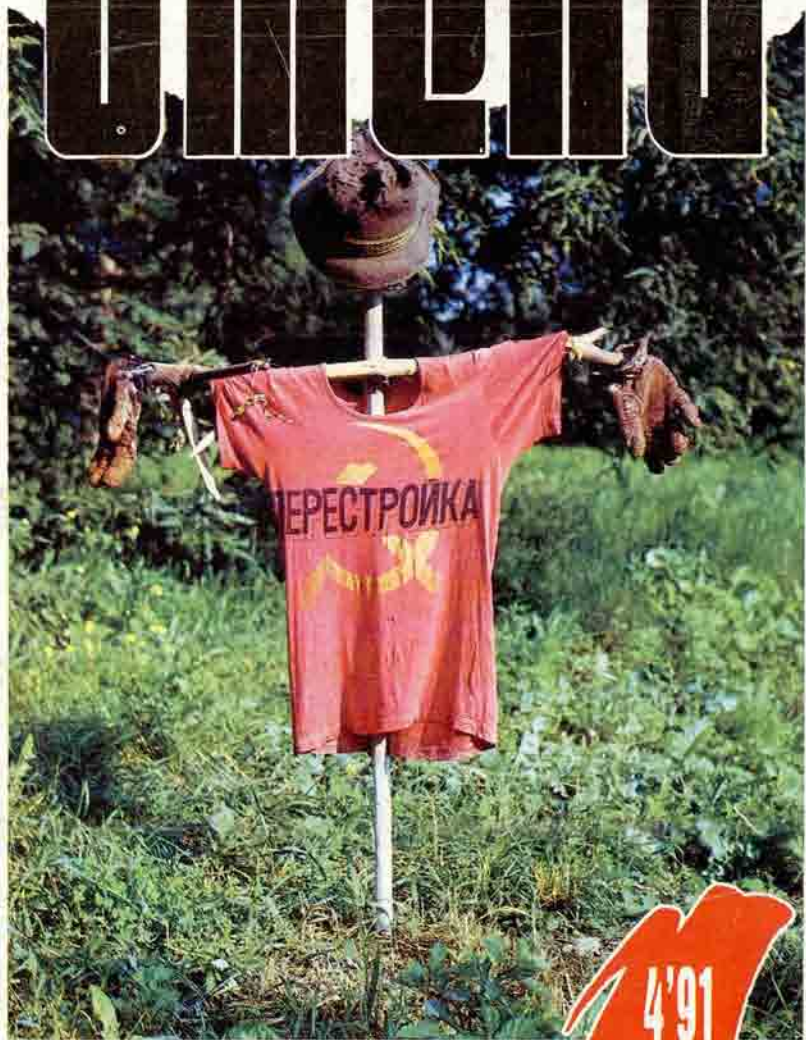

ВМОНА

К. ПИРФОРД Д. САЙМАК. ВАШ ТОЙ КОСМОСА

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. ДЕЛЬВИГ • БОРИС ЗАЙЦЕВ. «ВЕСЕЛЫЕ ДНИ»

ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ. КОНЕЦ КОРОЛЕВЫ

4'91

ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ

КОНЕЦ

1

168

Едва я притворил дверь уборной, как раздался ужасный крик. Говорю — крик, но это был скорее исполненный боли звериный вой, в котором не осталось почти ничего человеческого. В жизни ничего страшнее не слышал.

Я взглянул на избу, чуть ли не до трубы занесенную старым и недавно выпавшим, совсем еще белым снегом, и с минуту постоял, напряженно прислушиваясь, но больше ничто не нарушало тишину.

Закрыв дверь на щеколду, я подался напрямик через сугробы к избушке. Ноги утопали в снегу по колено. Только что протоптанные мною следы успел занести и сгладить не на шутку расходившийся буран.

Вчера после обеда я клятвенно пообещал девчонкам, что с утра провожу их вниз, к автобусной остановке, но сейчас от одной только мысли об этой прогулочке у меня побежали мурашки. О спуске на лыжах и речи не могло быть, в этой фантастической завихуре отправиться в деревню решился бы только самоубийца.

Властимил Шубрт по профессии — инженер-электрик. Но имя его, как автора многих произведений детективного жанра, очень популярно в Чехо-Словакии. Работа на заводе помогает Шубрту исследовать нравы и образ жизни молодых людей.

В. Шубрт пишет в основном киносценарии; поставленные по ним фильмы хорошо известны не только в Чехо-Словакии, но и далеко за ее пределами.

Повесть «Конец королевы» включена в сборник «Злые любви», вышедший в 1987 году в издательстве «Круг» (г. Градец-Кралове).

КОРОЛЕВЫ

Едва я добрался до избушки и переступил порог, как меня ослепил луч света.

— А, черт, очумел? — выругался я.

— Это ты, Гонза? — раздался из глубины коридора голос Павла, и свет скользнул вниз, к моим ногам.

— А кто же еще? — откликнулся я. — Ты кого ждешь? Графа Монте-Кристо?

— Не валяй дурака, — с тревогой в голосе произнес Павел. В правой руке он держал фонарик, а левой обнимал Алену. Вид у него был растерянный.

Алена испуганно спросила:

— Ты где был?

— Для дамы вопрос не очень деликатный, — ухмыльнулся я. — Однако мы люди культурные, естества не стесняемся, а на этом ранчо, сами знаете, санузел оборудован весьма эксцентрично. Вы лучше признайтесь, с какой стати обнимаетесь по коридорам, когда у вас наверху люксовые апартаменты.

Я ткнул пальцем в приставную лестницу, ведущую на чердак, где Павел с Аленой ютились в крохотной каморке, и одновременно бросил взгляд на часы.

Была половина четвертого.

— Ты ничего не слышал? — спросил меня Павел.

— Что-то такое ухватил краем уха, — кивнул я. — На дворе — настоящий буран. Если до утра не стихнет, девчонки на автобус не попадут. Я вроде не трус, но выехать не рискну.

— Погоди, — прервал меня Павел, — обожди-ка минутку...

Из глубины хаты — то ли из кухоньки, где размещался я, то ли из самой большой комнаты, где отдыхали девчонки, — до нас долетел сдавленный всхлип, а потом женский голос отчетливо произнес:

— О Господи, скорее сюда! Все!..

Голос умолк, какое-то время слышались только горькие рыдания, а потом мы уловили еще одно слово. Грозное, неожиданное, неправдоподобное и в то же время ужасающее в своей реальности слово: — УБИЙСТВО!

ПАВЕЛ

Уж во что во что, а в предчувствия, телепатию, внушение и прочую чепуху никогда не верил. Но провалиться мне на этом месте, если не ожидал, что наш рождественский выезд в горы добром не кончится.

Все началось, разумеется, с Гонзы и его удачи в спортлото. Или неудачи, это уж как посмотреть. Сам Гонза уверял, что ему чертовски не повезло: он угадал только четыре цифры, а вместо его шестнадцати и восемнадцати выпали семнадцать и девятнадцать. Если же учесть, что за шесть угаданных цифр выплачивали двадцать восемь тысяч крон, а за четыре — только четыреста тридцать, то вполне понятно, что настоящий выигрыш ему лишь улыбнулся, но особой радости не доставил.

— Выбирай самое лучшее ночное заведение Праги, — предложил он Катаржине, — и там оставим эти четыре сотни.

Она, правда, посоветовала ему купить свитер или еще что-нибудь практичное, но он только бесшабашно махнул рукой и заявил:

— Что я — чокнутый? Чтобы мне эта дурацкая тряпка все время напоминала о такой невезухе? Нет уж, называй ресторан или бар.

Катаржина отказалась назвать, потому что в пражских забегах она, мол, не разбирается, да и вообще одна с Гонзой никуда не пойдет. Если уж он хочет выбросить эти деньги, пусть зовет целую компанию: Зузану, Борека, Алену и меня, — а иначе она не согласна. Гонза поймал ее на слове, выбрал «Дельту» и прихватил нас четверых для очистки совести.

Мы с Аленой уже заранее предвкушали удовольствие. Гонза, конечно, будет целый вечер выпендриваться, завлекая Катаржину, так что зрелище ожидалось интересное. Да и чисто технически такая вечеринка никаких проблем не представляла, потому что наша шестерка давно уже составляла свой тесный круг. Я жил в общежитии с Гонзой, Катаржина — с Зузаной, а Борок практически с самого начала семестра обитал в своей комнате один, потому что его сожитель, доктор Беран с кафедры германской филологии, уехал на стажировку в ГДР. Организовать оптимальное перемещение было так же просто, как решить уравнение с одним неизвестным. Но эту неизвестную, а вернее сказать, неопределенную величину представляла Катаржина, из-за нее-то в нашем кругу и возникали всякие сбои. А поскольку Борок ходил с Зузаной скорее из-за отсутствия иных возмож-

ностей, если говорить языком бюрократов, и, уж во всяком случае, о страстной любви там и речи не было, то соответствующие условия чаще всего требовались мне, и на свободной кровати обычно устраивался Гонза. Стоило только заикнуться — и он мигом сматывался. Когда же он с головой втрескался в Катаржину, я из солидарности стал ему подыгрывать. Дело в том, что Катаржина со всеми ее достоинствами была прямо-таки вещь «an sich»¹, как выразился бы покойный Кант. Что-то вроде неприступной средневековой крепости. На всем курсе, да, пожалуй, и на факультете, едва ли нашелся бы представитель так называемого сильного пола, который не выбрал бы ее главной героиней своих сексуальных фантазий, но, с другой стороны, трудно даже перечислить тех наших коллег, которые сгорели синим пламенем при попытке реализовать эти фантазии.

Я сгорел уже в самом начале первого семестра. Два месяца, терпя насмешки, я обхаживал ее и услуживал по мелочи, пока не уговорил сходить в «Севастополь» на вечерний сеанс, когда там показывали «Бабетту» с Б. Б.² в главной роли. О результате лучше бы промолчать. Когда я как бы случайно положил ей руку на колено, она оттолкнула меня и с досадой прошипела: — Это еще что! Ты что обо мне думаешь?

Остаток фильма я практически не видел. Бриджит на экране перестала для меня существовать, потому что та, что сидела рядом со мной, кстати, очень похожая на нее, только живая и совсем еще не потрепанная, отшила меня спокойно и безжалостно.

Насчет Б. Б. я не преувеличиваю. Катаржину большинство студентов знали под кличкой «Бардотка». Те же длинные, золотые, как у принцессы, волосы, уложенные в одну из двадцати известных ей причесок, тот же очаровательный носик, те же полные, великолепно очерченные губы, то же простодушное, полное детского удивления и невинности выражение огромных темно-карих глаз. К тому же она со вкусом одевалась. Миниюбку стала носить первой на факультете, гораздо раньше, чем мода на обнаженные ноги охватила широкие массы женщин, да и потом Катаржина почти не знала конкуренции. Едва ли не все шмотки на ней были из «Тузекса»³, дядя из Америки снабжал ее долларами. Но если бы она надела мешок из рогожи, ей бы и это было к лицу.

Словом, у Гонзы не было никаких шансов. Ни у кого из нас не было. Я бы поспорил на любую сумму, что наша прекрасная однокашница в свои двадцать два года все еще остается девственницей. Все свои желанья она подчинила одной цели: спокойно, безо всяких сердечных передрыг, закончить учебу, а там будет видно.

Так что вечером в «Дельте» Гонза, как и следовало ожидать, ничего не добился. Нам с Аленой жаловаться не приходилось, да и Зузане с Борексом тоже, правда, четыре сотни — это четыре

¹ «В себе» (нем.). Здесь и далее примечания переводчика.

² Бриджит Бардо, популярная французская киноактриса.

³ В Чехо-Словакии сеть валютных магазинов (типа наших «Березок»).

сотни, на них не очень-то разбежишься, но Гонза, финансирующей всю эту операцию, взялся за дело решительно. После ужина он заказал две семисотграммовые бутылки мозельского, и пошел у нас пир на весь мир. Девчонки, понятное дело, расфуфырились, как могли, Алена после обеда сходила к парикмахеру, Зузана вырядилась в черное вечернее платье с изящным ожерельем «мейд ин Яблонец», дополненным сережками и какой-то штуковиной в волосах. Да только рядом с Катаржиной теряли весь свой блеск и янтарь, и сама Зузана. Между тем Катаржина была в скромном светло-голубом платье, совсем простеньком, но стоило ей встать и пройтись, как этот наряд показался нам произведением портновского искусства. Он облегал и подчеркивал ее фигуру и спереди, и сзади, и со всех сторон, а, видит Бог, там было что подчеркивать.

Мы распивали уже третью бутылку, когда впервые зашла речь об избушке в горах и рождественских праздниках. Разговор об этом завел, понятное дело, Гонза. Принадлежит избушка двоюродному брату Гонзы, и на святки — это точно — там никого не будет.

Первой клюнула Зузана:

— Я — «за» обеими руками. У нас только три экзамена, так что пару дней активного отдыха мы можем себе позволить.

— А на лыжах там можно кататься? — уточнила Алена.

Гонза иронически усмехнулся, подчеркивая наивность вопроса.

— Что там говорить, — произнес он, — если прямо от избы — крутой спуск, а совсем рядом ровная площадка, будто специально для тренировок новичков.

Алена взяла меня за руку.

— Поедешь?

— Ну, конечно, — кивнул я, тут же согласился и Борек. Гонза совсем загорелся.

— Внизу, в деревне, накупим всякой всячины, и — прощай, цивилизация, здравствуй, дикая природа. Рождество в семейном кругу, а там и Новый год близко. Два дня на поправку — и третьего января отчаливаем. Прямо утром на Штепана¹ можно туда двинуться. Практически до самой горы идет прямой автобус. Через Костелец, где Катаржина может к нам присоединиться.

В том-то и была закавыка. Катаржина ни словом пока что не обмолвилась. Гонза, наверно, ждал, что кто-нибудь из нас поможет ему уговорить ее, но Зузана загляделась на танцплощадку, Алена вертела пепельницу, Борек раскуривал сигарету, а сама Катаржина смотрела в сторону бара. Глаза ее были слегка прищурены, словно она старалась прочесть надписи на этикетках бутылок, выставленных над стойкой. Она молчала.

— Надеюсь, Катаржина, ты тоже поедешь?

Она усмехнулась:

— Я на лыжах даже стоять как следует не умею. Последний раз каталась на них сто лет назад на уроках физкультуры.

¹ Канун Рождества.

Гонза тут же принялся расхваливать площадку для тренировок, на ней, дескать, и младенцу нечего бояться. К тому же прекрасные ландшафты, покой и здоровый климат, а до ближайшего селения — полмили.

— Ты хоть представляешь себе, как чудесно в горах зимой? Рядом граница, и совсем недавно туда никого не пускали. Девственная природа, не тронутая губительной цивилизацией...

— А десятого января — экзамен по немецкому, — теперь уже открыто рассмеялась Катаржина.

— Брось, тебе ли паниковать! Мне бы так языки давались...

— Не разбивай нашу компанию, — не без задней мысли поспешила на помощь Гонзе Алена. Ради гор и лыж она была готова на все и сообразила, что без Катаржины так удачно задуманная поездка уходит в область несбыточных фантазий.

— На Сильвестра¹ я должна быть дома, — решительно заявила Катаржина. — А тащиться на край света на пару дней...

— До Сильвестра так до Сильвестра, — вступил в разговор Борек, его поддержал Гонза, подали голоса и мы с Зузаной, словом, навалились со всех сторон... Только все это — зряшное дело, подумалось мне: чтобы Катаржина да уступила — не надейся и не жди... Но оказалось, что я переоценил ее. В конце концов мы услышали, что она поедет.

Гонза потребовал еще бутылку, оркестр на подиуме грянул ритмичную битловую композицию, к микрофону подбежала певичка, уже не первой свежести, но с хорошо сохранившейся фигурой и классической джазовой хрипотцой в голосе, и запела примитивный текст на еще более примитивную мелодию а-ля Роллинг Стоунз. Гонза объявил:

— Ну что? Пойдем потрясемся? — И манерно поклонился Катаржине.

Борек пригласил на танец Зузану, я — Алену.

Едва мы очутились на паркете и проделали пару фигур, как Алена спросила:

— Как ты думаешь, поедет?

— Кто? — глуповато отозвался я, потому что заслушался музыки, пытаюсь представить себе, как певичка у микрофона сумела бы исполнить что-нибудь порядочное, вроде «Сан-Луи блюза» или «Солитьюд». На Алену я не обращал никакого внимания, а она этого не терпела.

— Как кто? — пояснила обиженно Алена. — Конечно же, королева Ядрана.

Королева Ядрана — это значит Катаржина. «Хит» прошлогоднего отпускного сезона приморских пляжей солнечной Югославии, где наша обаятельная сокурсница провела часть каникул и приняла участие в конкурсе на титул «Мисс Приморья», ну, а жюри, разумеется, присудило это звание ей. В общем-то удивляться тут было нечему, правда, на факультете об этом узнали далеко не сразу. Катаржина ездила в Югославию по линии Чедока² и о своем заграничном триумфе ни словом не

¹ Канун Нового года.

² Туристическая организация в Чехо-Словакии.

обмолвилась. Уже начался семестр, как вдруг в конце сентября или в начале октября в «Кветах»¹ появился ее цветной фото-портрет: улыбающаяся Катаржина, на голове — корона, в руке — позолоченный жезл, из одежды — два-три квадратных сантиметра бикини — словом, сексом от той фотографии так и перло, а в подписи под снимком сообщалось о выдающемся успехе привлекательной пражской студентки, которая на известном международном конкурсе стала королевой Ядрана. Зузана уверяла, что, когда журнал со снимком попался на глаза Катаржине, та чуть не разревелась от злости. Какой, мол, дурак послал фотографию в журнал? Ей такая реклама ни к чему, теперь преподаватели будут над ней подтрунивать, хоть на занятия не ходи. На следующий день после выхода журнала снимок вырезали и поместили на доске объявлений, да еще в красной рамке, чтобы сразу в глаза бросался. Катаржина переждала, пока вестибюль опустел, а потом сняла фотографию и уничтожила. Вечером ей позвонили из молодежной редакции насчет интервью. Она только бросила трубку. И так два раза. Королева Ядрана не стремилась к популярности.

Когда мы время от времени заводили разговор о конкурсе «Мисс Приморье», она сокрушенно вздыхала:

— Ну и дура же я, что согласилась участвовать в этой комедии...

— Ну, Павел, как ты считаешь — поедет? — не отставала Алена.

— А почему бы и нет? — ответил я. Если, конечно, у нее на Рождество, как назло, не заболит бабушка или дедушка. Потому что Катаржина ради родни готова была на все. Практически каждую неделю она ездила на субботу и воскресенье домой, в Праге ее тоже кормила-обстирывала какая-то тетушка... Нет, никуда она не поедет, но не стоит портить настроение Алене.

За битом последовало танго, за танго — блюз, превосходно исполненный все той же хорошо сохранившейся, если принять во внимание ее возраст, девицей с джазовым голосом и заманчивой фигурой.

В перерыве между двумя танцевальными сериями мы никак не могли собраться у стола в полном составе, потому что всех нас потянуло в туалет. Когда мы с Борексом вернулись в зал, Гонза как раз разливал четвертую бутылку.

— Ребята, деньги у вас есть? — спросил он. — Еще бутылка — и мой выгрыш испарится, а мы даже не добрались до бара. Беру, конечно, в долг, а то жалко так быстро заканчивать.

— Сотня найдется, — сказал Борек и вынул кошелек.

— У меня тоже, — присоединился я и передал деньги Гонзе. В кармане оставалось крон двадцать, но на трамвай у меня был проездной, за обеды и ужины в студенческой столовой я тоже внес деньги наперед, к тому же родители со дня на день должны были прислать перевод.

— Спасибо, ребята, через недельку верну, — успокоился Гонза, Борек только улыбнулся, а я махнул рукой — мол, не сходи

¹ Чехословацкий журнал.

с ума и так уже поиздержался. Гонза сунул деньги в карман и вдруг завелся, как неисправимый оптимист, а проще говоря — как идиот. Ни с того ни с сего стал допытываться у Борка, позовет ли он на ночь к себе Зузану.

— Нет, — ответил Борек. — А что ты планируешь?

— Ну, — выдал Гонза, — если бы Павел переспал у тебя...

— Не возражаю! — захохотал Борек. — Апартаменты в вашем распоряжении.

— Чего скалишься? — на удивление сдержанно поинтересовался Гонза.

— Да вот соображаю: ты в самом деле такой дурак или нас дураками считаешь? Ты что, и вправду веришь, что уломаешь Катаржину?

— Попытка не пытка. Если не сегодня, так...

— Никогда! — докончил Борек.

— Ошибаешься — в горах, — не согласился Гонза. — Хочешь — поспорим?

— Ну что ты! Ей-богу, не хочу тебя разорять...

Было заметно, что Борка этот разговор забавлял, Гонзу в общем-то тоже, а я воздержался от комментария, тем более что девчонки уже появились на горизонте. Они были в двух шагах от нашего стола, когда им преградил дорогу лысоватый толстячок далеко не юного возраста в квадратных темных очках и сером костюме, он был уже сильно под газом, потому что широко раскинул руки, словно хотел обнять всех трех одновременно. Тут как раз оркестр начал следующую танцевальную серию, площадка стала быстро заполняться, и проходящие пары заслонили мне это зрелище. Я посмотрел на приятелей. Борек над чем-то смеялся и давал Гонзе прикурить.

— Все равно она поедет, — упрямо заявил Гонза, — даже если мне придется смотаться в Костелец и утащить ее из папиного дома.

— А если папаша не позволит ее утащить?

— Тогда оставляю вам ключ от хаты, а сам пойду и повешусь, — поставил точку в споре Гонза и прихлебнул вина. Борек принялся советовать, как лучше подготовить веревку, но тут у столика появились Зузана и Алена.

— Катаржина завязывает международные контакты, — провозгласила Алена и безудержно расхохоталась. — *Och, Fräulein Katherine, das ist wunderschön!*¹ — Она, как всегда, быстро опьянела, черные глаза светились, точно угольки. — Западный немец. В перстне с печаткой — граммов триста золота. Ты заметила, Зузана?

Зузана не заметила ничего. Только меланхолически улыбнулась.

— А в галстук — бриллиантовая булавка... Парни, интересно, почему вы не носите бриллиантовые булавки? — Алена хлопала меня по руке. — Павел, может, купить тебе к Рождеству бриллиантовую булавку? — Она отхлебнула из своего бокала и снова засмеялась.

¹ Ох, фрейлейн Катерина, это чудесно! (нем.).

— Что-то не пойму, о чем ты говоришь,— отозвался наконец Гонза.

Алена мотнула головой в сторону площадки:

— Погляди, кто там кадрит твою Катаржину.

Мы с Гонзой оглянулись. Борек давно уже смотрел туда, вид у него был наполовину иронический, наполовину недовольный. Королева Ядрана, танцуя со своим партнером совсем рядом с нами, послала нам через его плечо страдальческий взгляд. Это не составило ей труда. Она хотя и выглядела тростинкой по сравнению со своим на славу раскормленным партнером, зато была на добрых полголовы выше его.

Гонза с досадой отвернулся.

— Идиот! — произнес он. — Брюхо — как бочка, зато бумажник набит марками, и думает, что всему на свете господин.

— Если есть деньги, можешь позволить себе все, что угодно,— философски заметил Борек.

— Только не с Кат! — возразил Гонза. — К счастью, у нас еще существуют женщины, которые чихают на капиталы всех этих паршивых иностранцев.

Алена все еще смотрела на площадку и бормотала про себя:

— Fräulein Katherine, Fräulein Katherine...

Меня вдруг осенило:

— Он сказал — Катерина? Выходит, он знал, как ее зовут?..

Усмешка застыла на губах Алены.

— Ну да, как видишь... Правда, загадка?

— Какая там загадка,— ухмыльнулся Борек. — Просто у Алены слишком буйная фантазия. Особенно когда наклюкается. «Fräulein darf ich bitten»¹ звучит в беглом произношении примерно как «Fräulein Katherine», верно?

Прежде чем я успел осмыслить эту словесную эквилибристику Борек, он спросил Зузану:

— Ты тоже слышала, как он назвал ее по имени?

— Не знаю,— уклончиво ответила та. — Я не очень-то прислушивалась. Сразу начались танцы, так что, может, ты и прав.

— Перестань темнить! — отрезала Алена. — Никаких «darf ich bitten» — самая настоящая «Katherine»! У меня пока что слух хороший. Даже когда я под газом.

— Ну, ладно, хватит... — кисло произнес Гонза и обратился к Зузане: — Пойдем станцуем.

— Да это все шуточки,— попытался я сгладить впечатление.

— Точно! — кивнул Борек. Он встал и пригласил на танец Алену. Я долил себе вина и стал разглядывать танцующих. Главным образом Катаржину с партнером. Несмотря на свое брюхо, танцевал он достаточно умело, легко и свободно и все время что-то говорил Катаржине. Я даже улыбнулся, подумав, что наша подруга получит хорошую тренировку перед экзаменом по немецкому. После первого танца они остановились рядом со стойкой бара. «Ловко работает!» — мелькнуло у меня в голове на долю секунды раньше, чем господин из Германии отважился широким жестом руки пригласить партнершу на два свободных

¹ Фрейлейн, могу я вас попросить... (нем.).

стула. Катаржина сначала завертела головой. Та же игра продолжалась и дальше, с тем же результатом. Раз за разом Катаржина мотала своей шевелюрой, деликатно, мягко, но решительно. Второй танец они уже не танцевали, но беседа продолжалась. Правда, не больше минуты. Наконец Катаржина показала взглядом на наш столик, улыбнулась извиняющейся улыбкой, и они разошлись. Немец отправился к бару, Катаржина — ко мне.

— Представь себе! — едва усевшись, взволнованно воскликнула она. — Он узнал меня по той фотографии из Югославии. Говорит, что ее поместил «Stern»... Какой-то западный немец. Значит, Алена не ошиблась, подумал я и сказал:

— Он тебя пригласил к бару, да? Удивляюсь, почему ты отказалась. На твоём месте я бы заказал двойной мартель. Или «наполеон». По-королевски!

— Тебе смешно, а ты бы послушал, что он мне предлагал...

— Могу себе представить.

Она приложила ладони к горящим щекам и чуть не со слезами пожаловалась:

— Все настроение испортил, осел!

Я бросил взгляд в сторону бара. «Осел» как раз заказывал выпивку.

— Чтобы избавиться от него, пришлось пообещать, что мы с ним еще выпьем, — продолжала Катаржина. — Но я туда не пойду. Если что-нибудь себе позволит...

— А что бы он мог себе позволить? — поинтересовался я.

— Он меня разглядывал, как голодный кот. Вы, мужчины, — ужасный народ. Если бы ты видел его взгляд! Прямо-таки раздевающий...

— Меткое определение, — заметил я и подумал, что при виде Катаржины почти у всех мужчин взгляд становится «раздевающим».

— Павел, в субботу я все равно не осталась бы в Праге. Хотела уехать домой утром первым же автобусом, но, пожалуй, успею и на экспресс в 23.40. Извинись за меня перед остальными, ладно? Этот осел мне весь вечер испортил.

— Ты что, хочешь удрать от него?

— А что мне еще делать? — Казалось, она сейчас расплачется.

— Перестань, не сходи с ума! Если хочешь, я пойду и отошью его. Конечно, вполне корректно и дипломатично.

Катаржина быстро завертела головой, решительно отказываясь, но одновременно гладила мою руку. Чуть-чуть, легонько, но это прикосновение еще больше вывело меня из равновесия. Она не успела убрать свою тонкую, ухоженную руку, как я вновь поглядел на бар. Всего лишь на мгновение, но и этого хватило, чтобы убедиться, что Катаржина не водила меня за нос. Барменша как раз ставила перед толстяком две пузатенькие, наполненные на треть коньячные рюмки.

— Я уйду, как только перестанут играть. Ты пока ничего не говори! Знаешь ведь Гонзу: он может за мной побежать вдогонку.

Я кивнул.

— Как хочешь.

Она взяла со стола свою сумочку, машинально щелкнула замочком. Третий танец приближался к концу, и я поторопился спросить:

— А в горы ты в самом деле с нами поедешь?

Она чуть заметно свела брови.

— Ты тоже хочешь, чтобы я поехала? У тебя ведь будет Алена.

— Верно, — слегка смешавшись, возразил я. — Но я беспокоюсь обо всей компании. Если ты откажешься ехать, Гонза может передумать. Понятно?

— Выходит, мне ничего другого не остается, как поехать, — удовлетворенно сказала она и улыбнулась. — Но ты должен пообещать, что будешь меня оберегать. От интриг и ловушек.

Ответить я не успел. Оркестр умолк, Катаржина подарила мне экспортную улыбку и встала:

— Ну, пока! Значит, пока что ничего не говори!

Схватила сумочку и направилась к выходу. Но опоздала и столкнулась с Борекком и Аленой, которые возвращались к столу с площадки. Борек придержал ее, но не больше чем на полминуты.

Следующую серию я танцевал с Зузаной, Гонза — с Аленой, а Борек пропустил. Позже я объяснил Гонзе, что Катаржина уехала домой из-за немца.

— Нет, она просто чокнутая. Убегать из-за этого пивного бочонка? — удивилась Алена.

Я пожал плечами:

— Ну, ты же знаешь Катаржину...

— Норовистая девка! — поддержал меня Борек.

Гонза промолчал, только с ненавистью поглядел в сторону бара. Немец все еще ждал. После ухода Катаржины я не спускал с него глаз. Свою рюмку он опрокинул, вторая стояла нетронутая. Только минут через десять он выпил и ее; видно, дошло наконец, что остался с носом. Он заплатил и отчалил.

Чуть раньше встала и Зузана. Мозельское, очевидно, ударило ей в голову, но если у Алены развязался язык, то Зузана молчала как убитая. Вернулась она примерно через четверть часа — слегка побледневшая, но снова готовая выпить.

— Вышла на свежий воздух, голова немного разболелась, — объяснила она и виновато улыбнулась Борекку.

— Пить надо умеючи, — отрезал тот, чем рассердил меня, потому что сам выпил совсем мало, две-три стопки, а официант как раз раскупоривал перед Гонзой пятую бутылку. Последнюю. Больше решили не заказывать.

Гонзе почти хватило выигрыща, чтобы расплатиться. Мне он сотню вернул, а Борекку нет.

— Пойду еще куда-нибудь, — сказал Гонза уже на улице. — Деньги у вас есть, можете взять такси. А то намучаетесь с девчонками.

— С Зузаной — точно, — подтвердил я. Та стояла, прижав-

пись к Бореку, почти повисла на нем, глаза закрыты, голова — у него на плече.

— Не столько пьяная, сколько влюбленная, а это куда хуже, — хмуро, явно думая о своих делах, пояснил Гонза. Потом, уже поспокойнее, добавил: — Насчет меня не беспокойся. Пересплю в сто третьей у Властик. Пепек после обеда уехал домой.

— Ну и прекрасно! — сказал я и отправился ловить такси.

2

— О Господи! — выдохнула Алена и прижалась к Павлу.

А он словно окаменел, только фонарик в руке дрожал.

— Это, наверно, Мирка. Вчера нализалась, а теперь ей снятся кошмары. Или решила пошутить. Не слишком удачно.

— Нет! — вся дрожа, выговорила Алена. — В шутку так не кричат. В жизни ничего страшнее не слышала.

Про себя я признал ее правоту, но вслух ничего не успел произнести, потому что за спиной у Алены скрипнула дверь, и в свете фонарика появился Борек.

— Послушайте, что тут за психушник? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Мирка там бьется, но не может открыть. Ключа, что ли, нет...

Что за неразбериха! Максимум десять минут назад, когда я отправился в уборную, Мирка была в норме, совсем не пьяная. Она собиралась ехать в Прагу. А сейчас ревет и кричит об убийстве.

Я уставился на Борека.

— Ты можешь мне объяснить, что тут происходит?

— Ничего не происходит, — ответил он, — если не считать того, что кто-то убил Катаржину. Понятное дело, если верить Мирке. Зузана спит, Мирка ревет, вы все здесь, передо мной, так что остается только королева Йордана... Я хотел сказать — Ядрана.

Он иронически ухмыльнулся, как бы давая понять, что в любых обстоятельствах умеет владеть собой.

Больше я ничего не стал спрашивать, а бросился в кухню. За мной — Павел, сопровождаемый Аленой, и последним — Борек. Пройдя между кафельной печью, столом и своей разбросанной постелью, я на секунду остановился перед дверью в «дамскую» спальню.

— Давай-давай! — поторопил меня Павел. — Чего ждешь?

Вместо ответа я взялся за ручку и открыл дверь.

В свете керосиновой лампы, стоящей на маленьком столике посреди комнаты, передо мной открылось ужасающее зрелище. На полу, в одной только черной кружевной комбинации, стояла на коленях Мирка, ее голые плечи тряслись, лицо она прятала в ладонях.

Катаржина лежала на постели. Вернее, на обеих постелях. Поперек. Ее голова утопала в подушке, левую половину лица закрывала прядь распущенных волос, широко открытые глаза уставились куда-то в потолок. Руки были бессильно опущены

вдоль тела, правая судорожно сжата в кулак, левая, с растопыренными пальцами, лежала на бедре, будто хотела, но не успела прикрыть поросший темными волосиками треугольник, ноги свисали на пол.

На ней не было абсолютно ничего. Кроме кухонного ножа с потертой деревянной рукояткой, глубоко вошедшего под левую грудь.

АЛЕНА

Я не могла смотреть на мертвую. Мне стало плохо, перед глазами завертелись желтые и лиловые круги, все вокруг закачалось, и я поторопилась зажмуриться, но было уже поздно: на фоне тех цветных кругов появилась Катаржина, бледная, пре-красная, нагая и с ножом в груди. Она в упор глядела на меня и, казалась, издевательски усмехалась. Павел едва успел подхватить меня, крепко обнял и вывел через кухню и коридор в заднюю комнату. Когда он втолкнул меня туда, я увидела две постели в противоположных углах, между ними ночной столик, а на нем — тройной подсвечник и три горящие свечки. На правой постели сидела Зузана и протирала заспанные глаза.

— Алена, — растерянно произнесла она, а когда увидела, что я сажусь на соседнюю постель, спросила: — А где Борек?

— Там. — Я ткнула пальцем в стену у нее за спиной. — Все там. У Катаржины. Кто-то ее убил.

— Убил? — испуганно повторила Зузана, и я в двух словах описала ей ужасную картину в соседней комнате. Она недоверчиво покачала головой, хотела что-то сказать, но не сумела и вдруг вся залилась слезами, целым потоком слез. Счастливая натура, подумалось мне, сейчас выплечется, а через месяц-два уже почти все позабудет. А вот я... Я не забуду вида убитой подруги до самой смерти, он всегда будет меня пугать, будить по ночам, и никогда мне от этого не избавиться.

— Зузана, не плачь! Ну, перестань, пожалуйста! — попросила я и положила голову на подушку. Мне снова стало дурно, постель закачалась, как на волнах, вверх и вниз, я мигом зажмурила глаза и постаралась дышать поглубже. Мне бы выйти во двор, на свежий воздух, но я даже пошевелиться боялась.

Три свечи на ночном столике продолжали гореть, пламя колыхалось, по стенам, полу и потолку метались причудливые тени, они кружились и качались, рисуя туманные видения, а за стеной в двух шагах от меня лежала холодеющая Катаржина, почти что над головой редела Зузана, и я вдруг вспомнила, с каким нетерпением и радостью ждала этой поездки.

Неделя в горной избе, целая неделя среди нетронутой природы, где снега белеют, сверкают и искрятся на солнце, точно мириады крохотных бриллиантов, где не рыхлая, грязная каша, как у нас в Праге, а снег, настоящий снег, который скрипит под скользящими по нему лыжами и взлетает серебристой пылью, когда тормозишь или делаешь крутой поворот. Неделя с Павлом, целая неделя без расставаний, не часы,

проведенные вместе украдкой в моей или его комнате в общезнании, когда краем уха все время ловишь шаги в коридоре и по три раза проверяешь, заперта ли дверь, а полная неделя покоя, хорошей погоды и любви.

В Праге он ждал меня на платформе. Обнял, поцеловал, взял мой рюкзак и лыжи и провел к соседнему скорому поезду, где, как уговорились, в первом вагоне нас дожидалась Зузана. В отличие от меня она заметно нервничала. Дело в том, что Борек написал ей, будто простыл и не уверен, поедет ли с нами.

— Ерунда, — пренебрежительно отмахнулся Павел. — Свежим ветерком его обдует — и снова станет как огурчик!

— Он уже перед святками чувствовал себя неважно, — заступилась Зузана. — И вообще в последнее время вел себя как-то странно.

— Прикидывается, — усмехнулся Павел. — Точно прикидывается, чтобы обратить на себя внимание. Увидишь — поедет.

— Ты так думаешь?

— Уверен.

Он заявил это так твердо, что Зузана ему поверила. А я нет. Мне Борек вообще никогда не нравился, потому что я не выношу высокомерия. Учился он хорошо, экзамены сдавал всегда легко, без зубрежки и шпаргалок, словом, умный и вполне интеллигентный парень. Но этим его достоинства и исчерпывались. Во всяком случае, для меня. Как мужчину его даже рядом не поставишь с Павлом или Гонзой. Тощий, долговязый, остроносый, плечи, как у бабы, фигуры никакой... Я понимаю, что это дело вкуса, что мужчине вовсе не обязательно быть культуристом, чтобы девчонки по нему с ума сходили, — интеллектуалы тоже в цене. Но Борек нельзя было отнести и к этому сорту.

Терпеть не могу его вечную иронию, все эти намеки да экивоки, а его хлебом не корми — дай над кем-нибудь поиздеваться. Особенно над Зузаной. Скорее всего, он и ходить-то с ней начал, потому что она великодушно прощала все его выבריшки. Или просто не замечала. Когда-то, еще в конце второго курса, он попробовал подкатиться ко мне, но тут же отстал, как только сообразил, что зря старается.

Не спорю, мы, женщины, любим посплетничать, но я уверена, что он стал обхаживать Зузану из-за Катаржины, потому что они жили в одной комнате, а он хотел провести «разведку местности». Катаржина, разумеется, его отшила, а позориться ему страх как не хотелось, вот он и переключился на Зузану.

Но сплетни сплетнями, а против Зузаны я ничего не имею, деваха что надо, отличная студентка и подруга, этакое тихое, неприятзательное создание. И хвалю ее вовсе не потому, что отношусь к ней по-барски покровительственно (хотя большинство мужчин из нас двоих выбрало бы меня), просто мне Зузана нравится. И жаль, что она так простодушно связалась с Борком.

Борек выдал себя уже в «Дельте». Как только Павел сообщил нам, что Катаржина улизнула, у него первого упало настроение, и он собрался домой. Вид у него был еще мрачнее, чем у Гонзы.

Зузана, по-моему, тоже обратила на это внимание и тут же ушла на улицу, чтобы всплакнуть. Бедняжка...

В Костельце мы пересели с поезда на междугородный автобус и столкнулись с первой неожиданностью. Катаржина. Никто из нас о ней даже словом не обмолвился, но мы сомневались, что она вообще появится. А она выглядела, как всегда, великолепно; умения выбрать подходящий наряд у нее не отнять. Высокие ботинки из тюленьей кожи, лазурные рейтузы и подобранный в тон свитер, белая куртка с капюшоном — словом, Катаржина в полном блеске, как будто ехала не в забытый Богом приграничный уголок, а в Гренобль или Гармишпартенкирхен. Я заметила, как Павел удивленно окинул ее взглядом с ног до головы, а пожимая ей руку, спросил, куда это она так вырядилась и не рассчитывает ли для разнообразия принять участие в конкурсе «Мисс Горная красавица». Катаржина только засмеялась, легонько шлепнула его рукавичкой по щеке и сказала:

— Замолчи, негодник. Не могу же я при Алене сознаться, что еду только ради тебя.

А потом подъехал набитый битком автобус, и нас ожидала неожиданность номер два. Называлась она Мирка, и Катаржина представила ее как свою подружку, которая очень любит кататься на лыжах. Пришлось взять ее с собой.

— Надеюсь, у Гонзы найдется лишняя постель. В крайнем случае мы и в одной поместимся, — заявила Катаржина, а я подумала, что Гонза будет рвать и метать от такой «радости».

182 Мирка засмеялась. Голос у нее был глухой, хрипловатый, а выражение глаз — твердое и даже вызывающее. Но я вовсе не хочу сказать, что она была неприятной. Напротив, вполне милая девчонка — крашенные волосы, сильно подведенные серозеленые глаза, да и фигурка, насколько позволяли разглядеть джинсы и расстегнутый полушубок, первоклассная.

— Ты что говоришь, Катрин? — произнесла она своим альтбаритоном. — Одна постель для двух женщин... Мы ведь не из тех! Ты же обещала, что поедут три вполне приличных парня. Вот этого, — она кивнула на Павла, — беру не глядя.

Павел только кашлянул, а я с удовольствием бы врезала ей разок. Не помню, чтобы кто-то так сразу и навсегда прищелся мне не по душе. То же самое, видимо, почувствовала и Зузана, она, наверное, уже молилась, чтобы Борек и в самом деле лежал пластом и никуда не поехал, а то ведь эта чертовка мигом затащит его в постель.

— Мирка, ну, пожалуйста, перестань говорить глупости, — вполголоса проговорила Катаржина и напустила на себя такой сокрушенный и высокоморальный вид, что ей в самый раз было читать проповеди в Армии Спасения. Мирка в ответ только расхохоталась, но до самых Гониц больше не давала о себе знать.

А в Гоницах к нам присоединился Борек. Никакой простуды, конечно, выглядел даже лучше, чем всегда. Для приличия он, разумеется, пожаловался, что еще вчера вечером не знал, поедет ли, и что все святки пропотел и пролечился, боится даже, что перенес грипп или ангину. Так что на лыжах он не

ходок, будет топить печку, резать хлеб и открывать консервы. Тут все было как на ладони: кататься на лыжах не умеет, но боится стать посмешищем. Из-за этого и придумал свой грипп, хотя на самом деле здоров как бык. А Зузана клюнула на эту удочку и уже вслух жалела, что не захватила с собой грелку.

В Гоницах автобус стоял двадцать пять минут, так что мы успели выпить кофе в ресторанчике. Компания наша была уже в полном сборе, даже больше чем в полном, правда, Гонза уехал раньше, чтобы привести в порядок избу. Кофе я выпила буквально одним глотком, мне надо было хорошенько встряхнуться, потому что в автобусе я целый час зевала и подремывала. Потом отправилась в туалет. Располагался он в самом конце коридора — две кабинки и общая прихожая с умывальником и зеркалом. Я заперлась в левой кабинке, и тут же следом за мной примчались Мирка с Катаржиной. Они остались в прихожей, видно, хотели только привести себя в порядок и причесаться, а о том, что я тоже здесь, не подумали. Мирка заговорила своим глуховатым голосом; тон у нее был начальственный, даже диктаторский.

— Имей в виду, Катрин, тридцатого возвращаемся, даже если придется тебя силой гнать к автобусу.

— Не бойся,— ответила Катаржина.— Я уже несколько раз говорила им, что на Сильвестра должна попасть домой.

— Когда говорила? Где?

— В «Дельте». Еще в начале декабря.

— В начале декабря... А откуда ты могла знать?..

Катаржина прервала ее:

— Хочешь верь, хочешь нет — знала. По-твоему, я не могу сосчитать, сколько будет один плюс один.

— Ну, извини,— засмеялась Мирка.— Я все время забываю, что говорю с высокообразованной особой. Интеллектуалкой! — Последнее слово она чуть ли не выплюнула. Словно опасалась, что после этого придется рот прополаскивать.

— Ну, ладно, хватит, дай лучше гребешок,— остановила ее Катаржина.— И не переживай. Тридцатого едем.

— Если не окажемся где-нибудь в больнице с переломанными ногами.

— Гонза поклялся, что там есть место для начинающих. Никто и не требует, чтобы ты выделывала головоломные трюки.

В прихожей снова раздался Миркин смех.

— Будь спокойна. Я уж и не помню, когда в последний раз становилась на лыжи, но вот из-за тебя пришлось одолжить их у Марцелы.

Вот это да, подумала я, не помнит, когда в последний раз становилась на лыжи, а Катаржина заявила, что она «очень любит кататься на лыжах». Выходит, королева Ядрана нас обманула. Но зачем?

Ждать ответа пришлось недолго.

— Знаешь, Катрин,— продолжала Мирка,— тебя сам черт не поймет. Из-за какого-то студентика делать такую глупость... Только ты не злись.

— Тебе не кажется, что это мое личное дело?

— Согласна,— произнесла Мирка.— Но только до тридцатого. А потом я тоже вступлю в игру.

— Вот и чудесно! А пока держи себя в руках и не падай духом. Могла бы, кстати, обойтись и без вступительного монолога в Костельце. Ты хотела со мной ехать — вот и едешь. Накануне Сильвестра собираем манатки, а все остальное — моя забота.

— А если тебя твой мальчишечка не отпустит?

— Не волнуйся,— ответила Катаржина.— И пойдем, а то отстанем от автобуса.

— Ну и что? Рюкзак у тебя с собой, твой драгоценный присматривает за водителем и...

Хлопнула дверь, и я больше ничего не слышала. Когда вышла из кабины, то чувствовала себя так, словно меня хватили по голове поленом.

Катаржина и Павел!

Я с трудом проглотила слезы. Неприступная, до краев наполненная сексом Катаржина, королева красоты, мисс Ядран, которой впору нанимать телохранителей для защиты от поклонников, и вдруг обыкновенная, джунглиная, тайная или по крайней мере скрываемая от посторонних любовь, вульгарная связь с парнем, которого она сама когда-то отшила... А ведь это касалось меня, моей любви, любви единственной, прочной и ясной, как мне это казалось всего несколько минут назад.

Но как же все сходится! Вот хотя бы сегодняшняя встреча. Ласковый хлопок перчаткой по щеке и слова: «Не могу же я при Алене сознаться, что еду только из-за тебя». Сыграно изумительно, ведь самая страшная ложь — это откровенная правда. Какое лицемерие! Мирка выразилась определенно: «Твой драгоценный присматривает за водителем...»

184
Проклятая Мирка! Дрянь, но зато открыла мне глаза. Прямо как в каком-то дурацком романе. Вернее, нет. Там обычно подслушивают подобные разговоры либо за портьерой в спальне, устроенной в стиле Людовика XIV, либо в садовой беседке, заросшей плющом и цветущими розами. А в случае со мной — жесткий, несентиментальный реализм. Роковой разговор подслушан на унитазе.

Одно мне было непонятно: какую роль во всей этой комедии играет Мирка, отчего она так настаивает, чтобы на Сильвестра Катаржина была уже дома... Но как это выяснить, я не знала.

Я взглянула на часы. Пора было уходить.

Павел стоял у входа и заметно нервничал.

— О Господи, где ты болтаешься? — налетел он на меня.

— Ты же присматриваешь за водителем, верно? — отрезала я и умышленно замедлила шаг.

— Да он уже давно заплатил и ушел. Если девчонки его не задержат...

— Не трусь,— язвительно заметила я.— Катрин с ним справится...

Мне хотелось добавить: «Как и с тобой...» — но я удержалась. Не позволю вывести себя из равновесия, сохраню спокойствие во что бы то ни стало...

Гонза дожидался нас на конечной остановке автобуса. Когда

мы вывалились наружу и он увидел Катаржину, то весь аж заснял, но не успел в полной мере пережить свою радость. К нему подошел Борек, положил руку на плечо и сочувственно произнес:

— Катаржина у нас молодец, браток, свое обещание выполнила аж на двести процентов. Смотри, какую породистую кошечку с собой прихватила... Ну как? — И ткнул пальцем в автобус, с крышки которого Павел как раз подавал Мирке лыжи. — Устроишь для нее лишнюю постель, а? А то Катаржина собирается положить ее с собой.

Остолбевший Гонза уставился на Катаржину, а та обезоруживающе улыбнулась ему и повторила свою наглую ложь:

— Она очень любит кататься на лыжах, вот я ее и пригласила. Ты ведь не рассердишься, верно?

Гонза растерянно закрутил головой, а тем временем подружка Катрин уже встала перед ним, подала руку и представилась:

— Привет! Меня зовут Мирка. Найдешь для меня местечко, хозяин?

— Найду... — без особого энтузиазма ответил Гонза, потому что мигом сообразил, какую свинью подложила ему Катаржина: за этой рыжей она спрячется от него как за каменной стеной.

— Ну, ладно, поехали, — выдавил он наконец. — Еду взяли?

Все дружно кивнули, а Катаржина сказала:

— Мирка привезла то же, что и я: консервы и бутылку рома.

— Вот¹, — кивнул Гонза, передал Павлу два каравая хлеба, подождал, пока все наденут лыжи, и двинулся в путь.

Дорога наверх отняла у нас почти два часа. Одной бы мне хватило и половины этого времени, но из всей нашей семерки уверенно чувствовали себя на лыжах только я, Борек, к моему удивлению, и, разумеется, Гонза. Всем остальным лыжи только мешали. Павел то и дело скользил и увязал в сугробах, но мужественно двигался вперед, Зузана старалась не отставать и ни за что на свете не призналась бы, что уже на полпути почти выбилась из сил, а Катаржина с Миркой... Это было неописуемо: настоящая трагедия! В довершение всего на склоне горы подул пронизывающий ветер и запорошил мелкий снежок. Приходилось подниматься «елочкой», пробитой лыжни не было, потому что Гонза, как видно, съехал вниз на спине. Мирка, которая, по словам Катаржины, была завязанной лыжницей, а держалась на лыжах, как обезьяна на велосипеде, остановилась и во все горло облегчила душу:

— К черту такую дорогу! Хоть бы хатка какая была поблизости...

Катаржина тоже прекратила движение и укоризненно произнесла:

— Я и не знала, Мируш, что ты такая паникерша.

— Откуда я могла знать, — возразила Мирка, — что бывают такие горы?

— Как видишь, бывают, — ответила Катаржина и подбодрила: — Ну, давай, давай, не задерживай...

¹ Хорошо (франц.).

Я не упускала из виду обеих девчонок и заметила, что с самых Гониц держатся они натянуто. Катаржина явно с раздражением реагировала на Миркины замечания.

Наш отряд между тем остановился, все переводили дух. Я поехала вперед, чтобы сменить Борека, и, обернувшись, поддразнила:

— Ну что, молодежь, идем или нет? А то ведь, если глаза меня не подводят, уже смеркается.

Павел крикнул Гонзе:

— Сколько еще впереди? Небось километров шесть?

— Не робей, всего только пять с половиной, — ухмыльнулся Гонза. — Максимум полчаса — и мы под крышей. Пару минут можно и передохнуть...

Едва он произнес эти слова, как Борек удивил меня до глубины души. Он съехал чуть ниже, к Катаржине, протянул руку и сказал:

— Знаешь что, подружка? Давай-ка сюда свой рюкзак. Если и дальше пойдём в таком черепашьем темпе, нас тут до весны снегом завалит.

— Ты что, чокнулся? — Катаржина ушам своим не поверила. — Или всерьез?

— Я серьезен, как покойник, — захотел Борек. — Скидывай эту штуку, и поехали. Я бы помог Зузане, но она справляется с лыжами куда лучше тебя. Ну, давай, давай, некогда ждать!.. Гонза поможет Мирке, и дело пойдет куда веселее.

Катаржина не стала больше возражать. Она сняла с плеча один ремень, второй ей помог снять Борек, а Гонзе не оставалось ничего другого, как предложить свою помощь Мирке. Та ни секунды не колебалась.

— Ну, парни, никогда бы не подумала, что вы такие джентльмены, — призналась она.

А я захлопала в ладоши:

— Bravo, Борек, ты прямо герой!

И украдкой взглянула на Павла. Вид у него был замученный, ничего другого я не заметила.

— А Зузана не обидится? — забеспокоилась Катаржина. Но та ее успокоила:

— С какой стати? Я иду вполне нормально, а вот ты плетешься из последних сил.

Это, конечно, была глупость, она выбилась из сил так же, как и Катаржина, но подвиг Борека иначе не могла оценить.

Гонза закинул за спину Миркин рюкзак и подбодрил нас:

— Ну, а теперь поднатужимся — и мы наверху!

Угадал он точно: через полчаса мы уже стояли у избы. И как раз вовремя. Ветер разбушевался не на шутку, а сумерки уже переходили в полную тьму. Мы сгрудились в кухне, где Гонза еще с утра предусмотрительно затопил печь. Павел зажег керосиновую лампу, мы разместились на табуретках, постели и лавке.

— Тут просто чудесно, правда, Мируш? — заметила Катаржина.

Та кивнула и улыбнулась.

— Но чудеснее всех хозяин дома. Сердечно благодарю за помощь, Йеничек...

Гонза махнул рукой:

— Надо разобраться с комнатами. Беда в том, что здесь ровно шесть постелей. Шесть постелей в четырех комнатах, включая кухню. Здесь сегодня спал я.

Он умолк, не зная, что еще сказать. Мирка перечеркнула все его планы. Вернее, Катаржина.

— Ну,— вмешался Павел,— как-нибудь устроимся, верно?

Устроились. В мансарде поселились мы с Павлом, хотя я ни на секунду не усомнилась, что Гонза рассчитывал поместить здесь Катаржину. Мебель в мансарде была солидная, постель, правда, одна, но достаточно широкая, уютная, к тому же хозяин дома положил на пол настоящую овчину, чтобы не мерзли босые королевские ножки. Когда я уселась на ней и заявила, что дальше и шагу не ступлю, Гонза так печально поглядел на меня, что даже жалко стало. Но мне обязательно надо было отвоевать себе эту комнатку, тогда я могла постоянно держать Павла в поле зрения и уверенно контролировать ситуацию.

В задней комнате внизу разместились Борек с Зузаной, а Мирка и Катаржина стали их и Гонзинными соседками. Установили мы и порядок дежурства на кухне. Первыми добровольно вызвались Мируш и Катрин: они здесь только до тридцатого, так что пускай уж отработают сразу.

— А зачем тебе ехать тридцатого? — спросила я Катаржину.— Неужели не можешь остаться?

— На Сильвестра мне надо быть дома с нашими. Семейная традиция, понятно? — ответила она.— С удовольствием осталась бы, но не могу, серьезно.

— А ты, Мирка,— поинтересовалась Зузана,— чем вообще-то занимаешься? Тоже учишься?

— Да,— улыбнулась Мирка,— учусь. В одном живописном пражском заведении. Мужской парикмахер, к вашим услугам.

Зузана смутилась:

— Не сердись, я не собиралась тебя допрашивать, но раз уж мы здесь все вместе...

— Перестань! Спросила — и ладно, ничего страшного,— сказала Мирка и весело улыбнулась. У нее была круглая, симпатичная и сообразительная мордашка, рот чуть великоват, губы полные, а зубы просто великолепные. Я относилась к ней с предубеждением, но в обаянии отказать не могла.

Павел вел себя вполне нормально, ничего от меня как будто бы не скрывал. Наоборот. Едва мы вернулись к себе в мансарду, как тут же решил затащить меня в постель под прозрачным предлогом: мол, после утомительного путешествия следовало бы отдохнуть. Я с этим согласилась и постелила ему на овчине, советуя приберечь силы до вечера.

А вечером Гонза организовал посиделки. Все собрались на кухне, и уже к десяти стоял дым коромыслом. Накурили — хоть топор вешай, на плите кипятилась вода для грога, снаружи трещал мороз, но у нас в кухне было тепло и уютно. Мы запели величальную, дошли уже до «Кто родился в октябре, встань,

встань, встань...». Зузана и Павел поднялись и чокнулись полными до краев рюмками.

— А целоваться? — завопила Мирка. — Ну-ка, целуйтесь!

Зузана растерянно взглянула на Борека, но тот стучал ладонью по столу, аж стаканы звенели, и кричал:

— Верно! Без поцелуя нельзя... В лобик!

Павел перегнулся через стол к Зузанае, и она его поцеловала, но так неумело, что все расхохотались.

— Вот так и отлынивают от работы, — прокомментировала поцелуй Мирка, а Гонза уже щупал под столом ее коленку.

— Что дальше будем делать? — спросила я, когда мы допели до декабря. — Может, во что-нибудь поиграем?

— Ну, конечно! В «согласен — не согласен», —скомандовала Мирка. — По крайней мере можно будет раздеться, а то здесь жарища, как в сауне.

— Ничего умнее ты не придумала, — свела брови Катаржина. — Я не собираюсь раздеваться.

— Да брось ты, Катрин, как будто... — Она не договорила и небрежно, точно пепел от сигареты, смахнула с колена руку Гонзы. — Сама знаешь, стоит мне чуток выпить...

Фразу она не закончила, и осталось непонятным, на что она намекает. «Как будто» — и многоточие. Кроме меня, никто их скрытого смысла не замечал. Катаржина больше не противилась, только поигрывала золотой цепочкой на шее и молчала.

— За каждое «не согласен» фант с себя и стопку в себя, — громогласно огласила Мирка правила игры. — Парные вещи, вроде чулок или сережек, считаются за одну... Вопросы есть?

— Нет! — ответили мы хором, воздержалась только Катаржина. Хмурая, как ноябрьское небо, она поигрывала для разнообразия браслетом своих миниатюрных часиков и, наверное, подчитывала свои безопасные, «необнажающие» фанты.

— Тогда поехали! — объявила Мирка. — Павел, ты согласен прямо сейчас отправиться в деревню за сигаретами?

— Не согласен! — ответил Павел и положил на стол часы. — Ну и заданьца ты даешь! Ничего себе игрушки!

— Придумай что-нибудь поинтереснее, — заявил Борек. — Твоя очередь.

Павел пожал плечами и спросил Зузану, не согласна ли она подарить Гонзе страстный поцелуй.

— Не согласна, — отказалась Зузана. — С какой стати я должна со всеми целоваться?

— Не со всеми, а с Гонзой! Но страстно! — уточнила я.

Зузана выпила глоток вина и тоже сняла часы.

Так и пошло. Вскоре фанты пришлось складывать на лавке, потому что на столе не хватало места, сливовицы в литровой бутылке осталось на доньшке, а вместо вина пила трог.

Первой раздеваться по-настоящему выпало Мирке. Зузана, которая задавала ей вопрос, в общем-то не требовала ничего невозможного: принеси, мол, из мансарды овчину и покувыркайся на ней. Но Мирка с пьяной ухмылкой произнесла: «Нате вам!» — и стащила через голову легкий свитерок, под которым остался только бюстгальтер. Свитер она швырнула на лавку,

глоток грога опрокинула в рот, а для Гонзы придумала совсем каверзное задание: не согласится ли он снять с Катаржины джинсы?

— Нет,— пожал он плечами.— Правда, если она не против...

— Не волнуйся, я против,— успокоила его Катаржина.— Это уже никакая не игра, а самый обыкновенный стриптиз.

— Ну и что?— загорланила Мирка.— Послушай, Катрин, перестань корчить из себя недотрогу, а то я и в самом деле разозлюсь! И уж если пойду вразнос...

— Не мели чепуху!— резко прервала ее Катаржина.— Перестань чепуху молоть,— повторила уже спокойнее, потом встала, расстегнула «молнию» и действительно сняла джинсы. Перед нами во всей красе, до самых кружевных штанишек, предстали ее длинные, стройные ноги. Но только на мгновение: она кинула джинсы на лавку и быстро села за стол.

— Твоя очередь,— кивнул Павел Гонзе.— Жаль только, что легко отделался...

Но, прежде чем Гонза что-то придумал, Катаржина предложила закончить игру.

— И так уже докатились,— недовольно заявила она, искоса глянув на Мирку.— Давайте возвращать фанты.

— Только за выкуп,— уточнил Борек.— Гонза, начинай!

Тут уж мы совсем развеселились. Борек пел оперные арии, Павел отжимался двадцать раз от пола, а Зузана получила задание лягнуть, поцеловать и шлепнуть по затылку любого из нас. Все это она проделала с Бореком, но лягала его и шлепала так осторожно, что выкуп мы ей не засчитали, а вместо этого отправили за водой для грога. Мирку заставили заплести Катаржине две косички, Катрин «за пережитые страдания» потребовала свои джинсы, но жюри решило, что она их не получит, потому что работала с нею мастерица и страдать ей не пришлось. Дошла очередь и до овчины, мы отправили за нею Павла, а Мирке пришлось-таки на ней кувыряться. Фанты уже разыгрывали сразу по два, чтобы побыстрее шло дело, но на лавке их было еще полно.

Зажав в руках очередные, Гонза провозгласил:

— Какой приговор тем несчастным, чьи фанты держу сейчас?

— Календарик!— крикнула совсем распалившаяся Зузана.— Только календарик!

Гонза ухмыльнулся и вручил одни часы мне, а другие — Бореку.

— Ну вот,— проговорил Борек,— теперь с Аленкой полиземся.

Но я только показала ему язык.

— Обойдешься, дорогуша, не путай Далмацию с дирекцией. Это не мои часы, а Катаржиныны.

Катаржина кивнула головой, надела часы на руку и обратилась к Бореку:

— Давай будем сидя?

Тот было согласился, но тут вмешалась Мирка:

— Ну уж нет! Никаких махинаций! Только стоя!..

— Ради твоих прекрасных глаз буду всем демонстрировать свои трусики,— попробовала возразить Катаржина.

— Вот и прекрасно! — спокойно ответила Мирка, по-кошачьи прищуриив свои серо-зеленые глаза.— Но если ты возражаешь...

Снова неоконченная фраза и многозначительное молчание в ответ; похоже, она держала Катаржину в горсти и то и дело ей об этом напоминала. Эта загадка занимала меня даже больше, чем вероятная измена Павла.

Катаржина сердито поджала губы, но мигом взяла себя в руки, встала и отрезала:

— Что ж, если тебе приятно...

Они встали с Бореком спина к спине, и Гонза начал:

— Январь!

Катаржина повернула голову к окну, Бореk — к печке. Гонза, конечно же, досадовал, что разыграл не свои часы, а Борека.

— Февраль! — произнес он, и на этот раз черная шевелюра Борека и забавные Катины косички повернулись к печи.

Так и пошло раз за разом: март — направо, апрель — налево... Под общий хохот и крик Гонза подвел окончательный итог:

— Одиннадцать!

Борек поглядывал вокруг с видом Цезаря-триумфатора, Катаржина деланно улыбалась и теребила блузку, потом произнесла: «Господи, благослови!» — и подставила губы. Вся компания хором вела счет, а мне вдруг пришло в голову, что не Павел, а Борек Катаржинин «драгоценнейший», из-за него она приехала сюда. Он целовал ее всерьез, а она ему всерьез отвечала. В тусклом свете керосиновой лампы я отчетливо различала, как раскрываются и сжимаются губы целующихся, и каждый поцелуй длился чуть дольше предыдущего.

— Одиннадцать! — выкрикнули мы в последний раз.

Катаржина тут же села, а Борек одним духом выпил стаканчик сливовицы. Затем выкуп фантов продолжился. Чтобы получить обратно свой пояс, Гонзе пришлось признаться мне в любви, и он принялся уверять меня, что Павел всего лишь деревенский лоботряс или паршивый евнух из гарема персидского шаха, словом, порол чушь на полном серьезе. Мы надрывали животики от смеха, а мне, видно, хмель ударил в голову. Я ошаледа, но чувствовала себя прекрасно. Павел держал меня за руку, и я про себя просила у него прощения. Катаржина получила назад свое ожерелье за джайв с Гонзой, транзистор орал на полную мощь, и королева Ядрана не отлынивала: то ли опасалась очередного Миркиного «о Господи», то ли подействовали прог и сливовица, но она свалила две из трех свечек и выкомаривала как припадочная, только ее девчоночьи косички свистели в воздухе.

Примерно так же выкупались и другие фанты. Тем временем настроение у нас поднималось, а моральный уровень падал, пока наконец все вещи не вернулись к своим хозяевам.

Борек поймал по радио музыку для полуночников, и все кинулись танцевать. Я танцевала с Павлом, Гонза — с Миркой, потом с Зузаной, но та почувствовала себя плохо и отправилась во двор, на свежий воздух. Я пошла за нею, но она отослала

меня обратно. Так же, как и Борека, который, как ни странно, тоже там очутился. Когда я вернулась на кухню, уже и последняя свеча не горела, керосиновую лампу мы потушили еще раньше, по радио передавали какую-то сладенькую мелодию, и между печкой и постелью не столько танцевали, сколько обнимались две пары.

Нашарив на столе зажигалку, я закурила сигарету. За этот краткий миг я успела заметить, как целуются Мирка с Гонзой. Чуть дальше мелькнула перед глазами и вторая пара — Павел с Катаржиной. Вернее, всего лишь одна деталь: рука Павла, которая заползла под тонкую ткань Катаржинины штанишек.

Заметив огонек зажигалки, Катаржина тут же отстранилась от него.

Я почувствовала себя оскорбленной. Значит, все эти поцелуечки с Бореком — хорошо продуманный обман. Значит, «любимчик» Катаржины все-таки Павел.

Я погасила зажигалку и пошла спать.

3

Вернувшись в комнату Зузаны, Павел сел на краешек постели и боязливо потрогал руку Катаржины. Борец стоял у стены, опустил плечи, и бессмысленно пялился прямо перед собой, Мирка, нахолившись, пристроилась на табуретке у самой двери, левой рукой она прикрывала свое испуганное лицо, правую зажала между коленями. Тусклый свет коптящей керосиновой лампы скупо освещал комнату. Едва я ступил вперед, как моя тень, точно погребальный саван, упала на мертвую Катаржину.

Павел встал и произнес сдавленным голосом:

— Она совсем холодная. Она мертва уже... — Он помолчал, развел руками и неуверенно закончил: — Уже довольно давно.

Никто из нас не откликнулся.

— Мы разошлись около часа, — продолжал Павел. — Я ее больше не видел. Мы с Аленой сразу же ушли наверх... — Он отвернул рукав свитера и бросил взгляд на часы. Чтобы разглядеть стрелки, повернул руку к свету. — Сейчас полчетвертого. Тридцать семь минут. В час мы еще были вместе. И Катаржина с нами. А теперь она лежит здесь мертвая..

Он говорил медленно, запинаясь, глаза опустил вниз, стараясь не смотреть на убитую.

— Снаружи сюда никто забраться не мог, — пробормотал Борец, сообразив, к чему клонит Павел.

— Нет, ни в коем случае, — заверил я. — На дворе страшная вьюга, а началась она еще до полуночи. Значит, снаружи сюда никто не мог забраться.

С минуту стояла тишина. Мирка перестала всхлипывать, убрала руку с лица и блестящими от слез, перепуганными глазами взглянула на Павла.

— Итак, — заявил он и сделал после этого слова эффектную паузу, — вывод может быть только один: Катаржину убил кто-то из нас.

Ничего другого я и не ожидал услышать, но все равно ужас-

нулся и несколько раз глубоко вздохнул, чтобы одолеть внезапную дрожь. Павел тем временем приблизился к Мирке.

— Ты ведь была тут с нею, правда?

— Нет! — выкрикнула Мирка и вскочила с табуретки. — Меня здесь не было!

— Не было? — угрожающе продолжал Павел. — Может, еще скажешь, что всю ночь гуляла на свежем воздухе?

Мирка и слова не сумела выдать, только завертела головой. Борек схватил ее за руку, встряхнул, как тряпичную куклу, и злобно заорал:

— Будешь говорить или нет? Плевать мы хотели на твои нуни!

Тем временем я все еще стоял точно каменный и никак не мог собрать разбегающиеся мысли. Наконец до меня дошло главное: среди нас убийца.

Убийца!

— Вот мы тебя и спрашиваем, — продолжал Павел, — а ты должна нам кое-что пояснить. Что у вас было общего с Катаржиной?

То же самое интересовало и меня, причем больше и раньше, чем Павла. Я старался хоть что-то вытянуть из Мирки, но напрасно. Стоило мне завести об этом разговор, как она тут же умолкала.

— Ты будешь говорить или нет? — процедил сквозь зубы Борек и снова встряхнул Мирку.

— Оставьте меня, — жалобно пролепетала она. — Я ничего не знаю, меня здесь не было.

— А где же ты была? — залпом выпалили Павел с Борек.

— В кухне, — едва слышно выдохнула Мирка. — В комнату я вернулась только что. От Гонзы.

— От Гонзы? — Павел повернулся ко мне.

Я легонько кивнул и, еле ворочая языком, объяснил:

— Пусты ее, Борек! Она все время была со мной. Когда Катаржина пошла спать, она осталась у меня. Расстались мы пару минут назад... Да пусть же ее, какого черта держишь?

Последнюю фразу я произнес уже со злостью. Борек начинал действовать мне на нервы. Если кто-то и имел право задавать вопросы, то только не он. Практически все время он крутился возле Катаржины, ухлестывал за ней, но в отличие от меня никаких иллюзий не строил. Мне отчетливо вспомнилось, как он вызывающе снимал у нее по дороге рюкзак, как обнимал и целовал во время игры, а Катаржина все его выходки терпела да еще и флиртовала с ним.

Я хотел что-нибудь добавить, чтобы окончательно смутить его и ошеломить, но, пока я переводил дух, он меня опередил:

— Будь добр сообразить наконец, что игрушки кончились... Или ты хочешь сказать, что Катаржина решила себе почесать ножичком живот, да рука неожиданно дрогнула?

Я промолчал, только презрительно окинул его взглядом. Тут в разговор вступил Павел:

— Этот нож... — Он бросил нерешительный взгляд на убитую. — Он ведь с кухни. Мы им хлеб резали.

— Ну и что из этого? — раздраженно проговорил я. — Любой из нас когда угодно мог его взять.

Мирка, воспользовавшись нашей перепалкой, вырвала руку у Борека и попыталась вскочить, но Павел обхватил ее сзади.

— Ты куда? — угрожающе прикрикнул он. — Ну-ка рассказывай! Мигом!

Она дернулась, и ее красивая грудь обнажилась до самых сосков. У меня сдали нервы. Я бросился к Павлу и изо всех сил хватил его по руке. Павел выпустил Мирку, но тут же его кулак засветил мне прямо в подбородок. Это был отличный нокаутирующий удар. Я отлетел к кухонной двери, прислонился к косяку и на секунду даже потерял сознание. Но Мирке мое вмешательство помогло освободиться, она отскочила подальше от Павла, почти что к самой постели, где лежала голова убитой Катаржины, и начала громко и судорожно всхлипывать.

— Оденся! — хмуро приказал Павел. — Перестань сверкать титьками, меня твои прелести не интересуют.

Что за идиот, подумал я, а Мирка, заикаясь, выговорила:

— Дурак паршивый!

— Точно, — с ледяной холодностью откликнулся Павел, повернулся ко мне и примирительно добавил: — Если у тебя прошла охота драться, помоги мне. Надо чем-то прикрыть Катаржину. Так ее нельзя оставить...

— Нет, — прошептал я, облизывая сухим языком потрескавшиеся губы, и посмотрел в сторону постели. Неподвижное тело Катаржины как бы светилось в полутьме.

— Ничего нельзя трогать, все должно оставаться так, как есть, — выдавил я.

— Ну, прикрыть-то ее можно, — заметил Павел и кивнул Бореку: — Принеси-ка что-нибудь подходящее. Одеяло или простыню... Да неси же, черт тебя побери, шевелись! — взорвался он, видя, что Борек не двигается.

Тот наконец послушался, открыл кухонную дверь и скрылся за порогом. Вернулся обратно с моим байковым покрывалом.

Павел взял покрывало и аккуратно накинул на Катину нагое тело. Покрывало было широкое, но коротковатое, оно укрыло мертвую только до подбородка, бледное лицо с выпученными глазами и разбросанными по подушке светлыми волосами осталось на виду.

— Глаза... — сказал Борек и проглотил слону. — Кто-нибудь это умеет?

Словно под гипнозом я ступил вперед. Мирка, стоявшая в углу комнаты спиной к нам и надевавшая свитер, испуганно уступила мне дорогу. Я приблизился к постели, наклонился к убитой и большим и указательным пальцами правой руки опустил ей веки. Действовал я быстро, без раздумий, и только потом на секунду пошла кругом голова, а по телу пробежала зябкая судорога. До этой минуты у меня еще сохранялось ощущение, что вся эта трагедия происходит не в жизни, а в каком-то романе, кинофильме или страшной пьесе, но вот я прикоснулся к мертвой — и это прикосновение словно пронзило меня током от ногтей до корней волос.

— Кому-то из нас надо бы спуститься в деревню,— нарушил тишину Павел.— Сообщить в полицию.

— Исключено! — чересчур быстроотреагировал я.— До уборной-то едва добрался. Не успеешь отойти от избы на несколько шагов, как тут же потеряешь дорогу. Придется ждать до утра, может, к утру погода утихомирится.

Павел промолчал. Двинулся к двери, ведущей в комнату Борика и Зузаны, и подергал за ручку. Дверь даже не дрогнула, только послышался скрип хорошо высушенного дерева.

— С какой стороны ключ? — спросил Павел Борика.

— Ни с какой. Когда она начала орать,— Борик махнул рукой в сторону Мирки,— я хотел заскочить к ней, но дверь была заперта. А ключ был у девчонок, у нас с Зузаной его не было.

— Гм,— пробурчал Павел,— значит, лежит где-то здесь. Мирка, ты его не видела?

— Нет,— ответила та,— не видела. Я к нему вообще не прикасалась. Да и потом,— она сделала паузу и перевела взгляд на Борика,— Катаржина никогда не запиралась.

Борик промолчал, только нервно дернул губами, зло взглянул на Мирку и тут же отвел глаза в сторону.

Не нравился он мне, нет, не нравился.

— Пошли на кухню,— предложил Павел.— Каждый расскажет, что знает, глядишь, что-то и выяснится...

Не успел он закончить, как Мирка юркнула через порог. Следом заторопился я, за мною — Борик. Павел взял со стола керосиновую лампу, но тут же поставил ее на прежнее место и тихо вздохнул:

— Свет мы все же оставим, подружка, хотя тебе он не очень-то и нужен...

И тоже вышел из комнаты.

В кухне он сунул в печку парочку смолистых полешек, Мирка села на мою разостланную постель, я устроился рядом, Борик остался стоять.

— Надо бы позвать девчонок,— заметил я.— Надо, чтобы все здесь собрались.

— Зачем? — возразил Борик.— Мы с Зузаной ушли отсюда спать. Павел с Аленой тоже. Даже чуть раньше нас...— Он немного поколебался и мотнул головой в сторону меня и Мирки.— В первую очередь стоит послушать вас обоих.

— Ладно,— согласился я и повернулся к Мирке, уже надевшей брюки и свитер.— Когда я побежал в уборную, ты пошла за сигаретами. Где они? Страшно хочется курить...

— Очень жаль,— ответила Мирка,— но я их не нашла. Сначала искала впотьмах, чтобы не разбудить Катаржину. Потом все же зажгла лампу и... увидела ее на постели, убитую...

Борик сунул руку в карман и подал мне пачку «Астры». Я поблагодарил его кивком головы и взял две сигареты. Одну протянул Мирке. Борик дал нам прикурить, я глубоко затянулся, выпустил дым и спросил:

— Что хотите услышать?

Павел промолчал, подкручивая фитиль у лампы, и слово взял Борик. Он придвинулся ко мне вплотную и резко выпалил:

- Зачем ты ее убил? Все остальное нас не интересует.
- Чокнулся? — осклабился я и еще раз спокойно затянулся.
- Нисколько не чокнулся!
- Тогда у тебя странное понятие насчет черного юмора.

Должен заметить, что с такими шуточками надо быть поосторожнее.

— Не валяй дурака! — прервал он меня, и стало ясно, что свой идиотский вопрос Бореk задал вполне серьезно, или по крайней мере стараясь создать такое впечатление. «Понятно, — мелькнуло у меня в голове. — Лучшая оборона — это наступление. Только не на таковского напал, парень, нет, черт тебя побори, не на таковского...» Я встал.

— У кого еще был повод? — не унимался Бореk. — Ну-ка скажи, у кого? Ты же сам твердил, что уговоришь ее, для этого и всю эту поездку организовал, строил из себя донжуана, хвалился перед нами, что переспшишь с нею... Так вот, из-за того, что Катаржина чихала на тебя, из-за того, что у тебя не было никаких шансов...

— Замолчи! — прервал я эту дикую чепуху и размахнулся. Но Павел был настороже. Он бросился между нами, заслонил Борека, а меня попытался оттолкнуть. Напрасно. Он успел еще крикнуть: «Перестаньте, ребята!» — и тут кухня словно бы закачалась, наступила полная темнота, чуть позже зазвенело разбитое стекло. Это упала и разбилась керосиновая лампа.

— Вот видите, петухи, из-за вас лампу разбил, — сокрушенно произнес Павел. — Спички есть? Бореk...

— Где-то на столе лежат, — уже остывнув, ответил Бореk. — Посвети фонариком.

Оранжевый круг света упал на стол, осветив коробок, потом сполз вниз, на пол, где лежали лампа и осколки стекла.

— А, чтоб тебя черти взяли! — выругался Павел и ногой закинул осколки под стол.

Я посчитал про себя до десяти, немного успокоился и обратился к Мирке:

— В буфете должны быть свечи.

Павел перевел туда луч фонарика, Бореk вытащил целую пачку и зажег одну, затем первой зажег вторую и третью; я тем временем совсем пришел в себя и негромко заметил:

— Что толку обвинять друг друга, так мы ничего не выясним.

Пока прикуривал от свечки потухшую сигарету, никто не вымолвил ни слова, и я продолжал:

— Я Катаржину не убивал, но то же самое скажет каждый из нас, а она, наверно, часа три как мертва. Когда мы сегодня разошлись в час ночи, кто-то из нас на какое-то время остался один. На пять, на десять минут, а может, и меньше. Тогда-то и произошло убийство. Мы с Миркой были здесь. Здесь, на кухне.

— Мы с Аленой наверху, — сказал Павел.

Бореk издал нервный смешок:

— А мы с Зузаной в задней комнате. А теперь можем начать сначала.

— Верно, но одно уже стало ясно: кто-то из нас убийца. Кто-то из шести. Поэтому я хочу, чтобы здесь собрались все шестеро, а не четверо. Павел, сходи за девочками!

Напористый тон действовал. Павел даже не пикнул и послушно направился в прихожую. Вскоре он вернулся с Зузаной и Аленой. Обе молча подсели к столу, рядом с Борексом. Павел остался стоять. Я произнес:

— Катаржина мертва, кто-то из нас убил ее кухонным ножом. На дворе буря, спуститься в деревню мы не можем, но надо все выяснить, пока не приехала полиция. Здесь мы все... Может, есть желающие добровольно признаться в убийстве?..

После моих слов наступила мертвая, гнетущая тишина. Кажется, даже ветер, сотрясавший порывами окна, стены и крышу избы, на мгновение стих.

Все молчали.

Сквозь облачко табачного дыма я окинул взглядом четверых своих однокашников. Павел застыл столбом, тупо глядя куда-то в пространство, Алена, прикусив губу, уставилась на стол, потом вдруг сунула руку в карман, вынула носовой платок и вытерла нос и глаза. Зузана сидела с отсутствующим видом, словно еще не осознала, какая трагедия здесь разыгралась. Борекс изо всех сил старался держать себя в руках, на его напряженном лице ни один мускул не дрогнул, только руки выдавали его волнение. Он не переставая ломал и теребил свои пальцы.

Внезапно прозвучал голос Зузаны. Тихо, с трудом выговаривая слова, она произнесла:

— Вы думаете... Ты думаешь, Гонза, что это убийство?..

ЗУЗАНА

Гонза ничего не ответил. Только нахмурился и впился в меня долгим, недоверчивым и в то же время печальным взглядом. Я его понимала. Ему нравилась Катаржина, и он вовсе не ожидал встретить то, что мне за мою жизнь встретилось уже дважды.

Смерть.

Само это слово, как его ни произноси, ужасает. Четыре согласных, разделенных одной гласной, звучат, как щелканье кнута. Как ни старайся, это слово не выговоришь мелодично, прокричи его или прошепчи, прохрипи или пропой, оно, это слово, не подчиняется твоей власти и выстрелит грозно и беспощадно.

«Постарайся держать себя в руках, Зузаночка, ты ведь уже почти взрослая. Папа с мамой отравились газом. Несчастный случай...» Слова утешения и соболезнования, теплые и формальные, и два гроба, исчезающие за черной дверцей крематория. Они ничего не поняли, не страдали, им не было больно, словом, «легкая смерть».

А примерно через год она коснулась меня снова, вторично, но уже совсем в другом обличье. Теперь она походила на черную маску с намалеванными на ней черепом и костями, которая выскочила из карнавального шествия, как бы дразня и насмехаясь над концом всех надежд.

Его звали Зденек. Мы познакомились летом в горах, куда поехали с тетей, чтобы я хоть немного оправилась от неожиданного удара.

Зденек. Мы все дни проводили вместе, а было их всего двенадцать, один лучше другого. Потом он уехал. Уехал, но стал писать письма, мечтательные и сентиментальные, полные любви, а потому прекрасные. Дважды приезжал ко мне. На мотоцикле. А ведь жили мы, как нарочно, в разных концах Чехии.

В июне я закончила школу и сдала приемные экзамены в институт, а в июле мы снова отправились в горы, уже без тети, с палаткой и двумя спальными мешками. Осенью его забирали в армию, а я уезжала в Прагу учиться. Два года пролетят — и не заметишь; как только он вернется из армии, мы поженимся, так мы решили в последний день в горах. В поезде я написала ему длинное письмо, а дома — еще три. В ответ ни слова. 10 августа пришло извещение: «Наш дорогой сын, брат и внук... трагически ушел из жизни в возрасте двадцати лет...» Что ни слово, то нож острый.

Я чуть не сошла с ума. В тот же день выехала к нему. Хотя бы на могилу. Тридцать часов езды, ожидания и пересадок — и я вышла в его городе, в траурном наряде и с букетиком увядших роз в руке. И в двух шагах от вокзала наткнулась на него. Он сидел на мотоцикле, нога на борюре, и болтал с какой-то девицей. Когда увидел меня, только расхохотался.

— Ты и вправду поверила?.. Ну, ты даешь! Мама отругала меня, чтобы я не сходил с ума и не связывался ни с кем до армии. А тут брат, ты же знаешь, он работает в типографии... Могла бы и догадаться, что это шутка... Он мне напечатал эту похоронку...

Домой я вернулась первым же поездом, в институт опоздала на месяц. И дала себе зарок: больше не терять голову от любви.

Выдержала я три года. Пока Бореk не пригласил меня в кино и не стал захаивать к нам в комнату. Не к очаровательной Катаржине, а ко мне. Зарок зарокom, но не записываться же мне в монашки.

На первое свидание меня собирала Катаржина. Целый час причесывала, красила мне глаза, одолжила даже свой австрийский пояс для чулок. Он был мне тесен и страшно резал, но Катаржина утверждала, что он улучшает фигуру. Все равно, мол, пару кило мне надо сбрасывать. И я сбрасывала, голодала, делала упражнения, за месяц похудела на три кило. Пояс уже не резал, и Катаржина отдала мне его насовсем. «Еще немного — и будешь девчонка что надо! — смеялась она. — Сбросишь еще пять кило — и Бореk сгорит от любви...»

Не сгорел. Я сбросила еще три килограмма. Мы стали большими друзьями, а когда мне исполнилось двадцать два, и любовниками. Но именно тогда все и начало портиться.

День рождения мы отпраздновали с Бореком у меня в комнате, расстались далеко за полночь. В субботу я собиралась подольше поспать, но рано утром меня разбудила Алена: ей понадобились конспекты. Я решила восполнить недосып после обеда,

когда в общежитии станет поспокойнее, но не успела толком задремать, как меня снова потревожили. На этот раз Катаржина.

— Что такое? — пробурчала я и открыла глаза. Она толкнула меня в плечо, легонько похлопала по щеке и засмеялась:

— Вставай, вставай, соня, а не то вытащу из постели.

— Кати, откуда ты взялась? — удивилась я. — Ты не поехала домой?

— Нет, — ответила она. — Я была у тети в Праге. А сейчас еду домой. Понимаешь, я кое-что забыла.

Она села на постель и огляделась. На столе лежал Катаржинин чемодан, на постели — сумочки, шкаф — настезь, ящики письменного стола выдвинуты, словом, полный ералаш.

— Зузика, я где-то оставила такой маленький блокнотик, — объяснила она. — Ты его не брала? Темно-зеленый, в кожаной оправе.

Я завертела головой.

— Ничего не брала, Кати. Какой блокнотик?

— Да ты все еще никак не проснешься! — мягко заметила она. — Ну, давай вспоминай! Блокнот в кожаной оправе... Ты, наверное, его и не видела, я только недавно купила его в «Тузексе».

— И правда, Кати, я никакого блокнота не видела.

Она встала с моей постели.

— Ну, тогда плохо дело.

— А что там такого важного, что ты прибежала за ним в общежитие?

— Один адресок для папы, — пояснила Катаржина и снова принялась копаться в своем чемодане. — Ты была вечером у Борека? — поинтересовалась она между делом.

— Нет, он был здесь.

— Здесь? А он его не брал? Может, решил пошутить...

— Нет, — исключила я такую возможность, выбралась из постели и надела шлепанцы. Катаржина еще раз пересмотрела сумки, а я вдруг сообразила, что с ее одеждой что-то не так. Но что?.. Она как раз нагнулась, перебирая белье, сложенное в самом нижнем ящике, подол высоко задрался, и тут до меня дошло. Да ведь на ней совсем другая одежда! Вчера она надела серый костюм, нейлоновые чулки и туфли без каблуков, а сейчас на ней белая блузка, черная мини-юбка, кружевные колготки и сапожки. А говорит, что была в Праге у тети. Ведь там у нее никакой одежды нет, она всегда возвращалась в том же наряде.

— Ты в самом деле не ездила домой? — уточнила я.

— Нет. Сейчас поеду. Чтобы все успеть, придется взять такси. Вот невезуха, правда? А почему ты спрашиваешь?

Она заметно встревожилась.

— Не волнуйся, — ответила я и добавила: — Никакого блокнота я не видела.

— Значит, сама потеряла... Ну, — она взглянула на часы, — я побежала. Бореку лучше ничего не говори. А то он рассердится.

Однако я сделала по-своему, и вышло так, как она сказала.

— Что я, вор? — кричал Борека, сжимая кулаки, и я даже опасалась, что он меня ударит.

Тогда-то и завелся у меня червячок сомнения. Зачем Катаржина лгала? Отчего всю комнату перерыла в поисках этого таинственного блокнота, почему не стоило говорить об этом Бореку и по какой причине, когда я все же спросила его, он так рассвирепел? Вопросов набралось много, и ни на один из них я не могла найти ответа. Ни Борека, ни Катаржину спрашивать мне больше не хотелось, уж очень явной была связь между ее тревогой и его злостью. Я начала подозревать, что кто-то из них ведет со мной нечестную игру. А может, и оба, но скорее все-таки Катаржина. Я всегда поверяла ей свои тайны, как-то под настроение рассказывала даже о Зденеке и трагикомедии с его фальшивой гибелью; ведь мы были подруги и жили вместе, так пусть знает обо мне все. Зато она никогда ничего о себе не рассказывала, точнее, ничего серьезного и доверительного, что могло бы нас сблизить. Мне известно только, что она ни с кем еще всерьез не дружила, хотя и был у нее приятель, но только приятель, студент Академии художеств. Два года назад он нарисовал ее портрет, но сейчас уехал за границу, вполне легально, как стипендиат, но они даже не переписываются. «Девчонка я более-менее ничего, так что потерплю, пока не закончу учебу, — высказывалась она по поводу замужества. — А там какой-нибудь бедолага всегда отыщется...»

Отыскался. И отыскался даже раньше, чем я ожидала.

200 На первые выходные в ноябре я уехала домой к тете. Обычно я бывала там каждые две недели: в пятницу вечером — туда, в понедельник утром — обратно. Скорый приходит в Прагу в начале девятого, занятия начинались в девять, так что я ехала в институт прямо с вокзала. На этот раз я сидела как на иголках, каждую минуту поглядывала на часы, но время тянулось страшно медленно. В воскресенье после обеда я сказала тете, что мне надо срочно уехать. Сослалась на пропущенный семинар и еще на какие-то дела, но тетя все прекрасно поняла.

— Опять, наверно, влюбилась, — вздохнула она, провожая меня на вокзал, а я смутилась и ответила:

— Может быть...

Все мысли у меня были только о Бореке. Если все пойдет удачно, то уже в восемь вечера мы будем вместе.

Однако вместо удачи меня ожидали сплошные неприятности. Пригородный поезд, на который я сначала села, за четыре перегона ухитрился опоздать на двадцать минут, скорый ушел, и мне пришлось около трех часов ждать следующего, так что вместо половины восьмого я оказалась в Праге в одиннадцать. Как назло, и трамвай укатил прямо из-под носа, так что в общежитие я добралась только к полуночи. Вахтер как раз запер вход.

К Бореку идти не было смысла. Я вскарабкалась на третий этаж, вынула ключ и хотела открыть дверь своей комнаты. Хотела, но не смогла. Ключ не лез, потому что изнутри торчал другой. Наверно, Катаржина заперлась и спит, подумала я

и осторожно постучала. В ответ ни звука. Я постучала еще раз, уже погромче, а потом — громко, не сдерживаясь.

В комнате послышался шорох, закрипела постель, взвизгнул пружинный матрас... Ну, слава Богу, наконец проснулась.

— Кати! — окликнула я. — Открой, Кати!

— Минутку, — донеслось из комнаты, — погоди немного, дорогая.

Но прошло добрых несколько минут, прежде чем щелкнул замок и дверь отворилась. Вернее, она только чуть приоткрылась, и из нее выскользнула Катаржина в шелковых китайских тапочках и белом халатике, брошенном на ночную рубашку.

— Прощу тебя, Зузика, давай зайдем в туалетную, — прошептала она, обняла меня и потащила в дальний конец коридора.

— Не спрашивай, ничего не спрашивай, я все тебе сама объясню, — заговорила она, затолкав меня в туалетную, и закрыла за собою дверь. Даже не закрыла, а захлопнула: раздался такой грохот, что весь дом задрожал. Катаржина остановилась на пороге и устало прислонилась к косяку.

— С ума сойти! — выдохнула она.

Ни о чем не подозревая, я поцеловала ее в щеку и прошептала на ухо:

— Что-то случилось?

Она быстро закивала головой, схватила мою руку и сильно сжала ее.

— Ах, Зузика, если б ты знала, какая я дура...

Я постаралась улыбнуться.

— Да брось ты! — Мне все еще было невдомек, о чем речь. Никогда раньше я не видела ее такой растерянной. — Тебе что-то приснилось, да? Какой-то кошмар, правда?

Теперь уже засмеялась Катаржина. Коротко, насмешливо, вызывающе.

— Сон? — переспросила она и откинула за спину свои распущенные волосы. — Нет, Зузика, к сожалению, не сон, а грубая реальность. Видишь ли, я была в комнате не одна... — Последнюю фразу я скорее прочла по губам, чем услышала. — Там был он, понятно?... — Но я ничего не понимала. — Ты же знаешь... Я тебе рассказывала о нем. Ну, Виктор приехал из Парижа... Наконец до меня дошло.

— Ах, вот оно что!.. Так что же ты ничего не сказала? Я бы приехала утром.

— Да я и понятия не имела, что он приедет. Он иногда писал, очень редко, в последний раз сообщил о каникулах, а сегодня вдруг ни с того ни с сего позвонил. Сказал, что сейчас в Праге и хочет меня видеть. После обеда мы встретились на Граде, потом он пригласил меня поужинать... Понимаешь, все было так чудесно... Потом он привез меня на такси в общежитие... — Голос у нее дрожал от волнения. — На вахте почему-то никого не было... Я не могла от него отделаться, он пошел со мною наверх... — Она пожала плечами, прикусила губу, опустила голову и, глядя на кончики своих тапочек, смущенно, но отчетливо выговорила: — Мы с ним переспали...

Вот тебе и королева Ядрана, засмеялась я про себя, и до нее

дошла очередь. Глядя на стройную фигуру, вырисовывающуюся под нейлоновой ночной рубашкой, я погладила ее по щеке и произнесла:

— Что ж, раньше или позже — все равно это случилось бы.

— Да, только я представляла себе все это совсем иначе, — пролепетала она. — А тут все как-то неожиданно, без всякой подготовки... Знаешь, я даже не знаю, нравится ли он мне... — Она уставилась на меня своими прекрасными, невинными, по-детски чистыми глазами и всхлинула: — Я, наверное, ненормальная...

Похоже было, что она сейчас расплчется. Вот так, прислонившись спиной к косяку, она выглядела прямо-таки несчастной, но это несчастье было таким красивым, что я только удивлялась, как она могла сохранить себя от этого почти до двадцати двух лет.

— Ну, ты же не маленькая, Кати, — сказала я и доверительно ей подмигнула. — А что со мною?

Она недоуменно взглянула на меня.

— О чем ты?

Я закрутила головой.

— Кати, возьми себя в руки, ну, пожалуйста. Я же не поеду туда, не стану его пугать. Пойду в учебный корпус. Не беспокойся, как-нибудь перебежусь до утра.

— Ни в коем случае, — решительно возразила Катаржина. — Пусть он немедленно уходит.

Я взглянула на часы.

— А как? Уже почти половина первого. Дед запер дверь за мной. А сегодня на вахте тот злой и противный, с мохнатыми бровями. Он записался... как Виктор?

— Нет, — ответила Катаржина. — Когда мы пришли, на вахте никого не было.

— Вот видишь! Хочешь получить на первый случай выговор?

Она махнула рукой.

— Он же не скажет, что идет от меня. Сунет деду что-нибудь — и порядок.

— Что он ему сунет?.. Нет уж, лучше сделай, как другие девчонки. Отведи его в подвал, и пусть вылезет через окно...

— Видишь, как у тебя все просто, а я... — Она нервно поправила волосы и запахнула халат. — Будь добра, посиди здесь немного, я скоро за тобой вернусь. Надо же вас познакомиться.

Прежде чем я успела возразить, Катаржина выскочила в коридор. И тут же вернулась.

— Все в порядке, Зузика, — весело выпалила она. — Господин испарился.

Она подала мне листок бумаги с небрежной надписью: «Завтра позвоню. Пока. В.».

— Ишь как испугался меня, — засмеялась я. — Как он выберется на улицу?

— Не переживай, — с заметным облегчением произнесла Катаржина. — Сунет деду полсотни, и дело с концом. Денег у него куры не клюют, и потом... он же прошел выучку в Париже...

Мы отправились в комнату. Катаржина сняла халат и откры-

ла окно, чтобы проветрить помещение. Дыму действительно было полно.

На другой день она вернулась в общежитие довольно поздно. — Была с ним? — не удержалась я от вопроса.

Она кивнула. Я ждала, что она обо всем расскажет, но она больше не вымолвила ни слова. Вчерашняя откровенность, вызванная, очевидно, моим неожиданным приездом, исчезла без следа. Виктор перестал для нее существовать. А тут как на грех в самый неподходящий момент к ней прицепился Гонза. Обычно она только посмеивалась над безнадежными ухищрениями своих «воздыхателей», а тут вдруг разошлась не на шутку.

— Пусть только попробует ко мне прикоснуться, я его на куски разорву! — заявила она. Конечно, сделать это было бы трудновато: Гонза — один из самых рослых парней на курсе. Выглядит он хоть куда, и было непонятно, почему от одного его вида Катаржина чуть ли не впадала в истерику.

— Слушай-ка, подруга, ты случайно не в положении? Что-то у тебя с нервами не в порядке, — вскользь обмолвилась я.

— Чего ты лезешь со своими дурацкими вопросами? — набросилась на меня Катаржина. — И какого черта я, дура, все тебе рассказала?

Она так расписывалась, что я промолчала и оставила ее в покое. А она мне была нужна, очень нужна, потому что неприятности теперь начались у меня. С того вечера, когда мы поссорились из-за Катиного блокнота, Бореk явно охладел ко мне, даже стал меня избегать.

«Что я, вор?» — вспоминала я его рассерженный голос, побагровевшее лицо с горящими глазами и то, как сразу же после этого он свалил меня на постель, прямо швырнул туда, ни свет не погасил, ни дверь не запер, хотя по коридору слонялось полно народу и в любую минуту кто-то мог заглянуть в комнату.

Бореk ни на что не обращал внимания, ему на все было наплевать, он ничего не хотел откладывать. На мне была узкая юбка, но, к счастью, она лопнула по шву, а не то он бы определенно изодрал ее в клочья, а если бы я сопротивлялась, он бы меня изнасиловал. Но я не сопротивлялась, только подумала, что, наверное, так любили варвары, страстно, грубо, но при этом чудесно. Внутри у меня словно вулкан закипел, каждое его движение вызывало боль, но одновременно и наслаждение, огромное, нескончаемое, невыразимое, и я тоже ни на что не обращала внимания; черт с ней, горячей лампой, и незапертой комнатой. Если бы сейчас распахнулась дверь и к нам ворвались комендант общежития и целый студсовет, я бы только крикнула Бореку: «Давай еще, давай еще! Чихали мы на них! Люби меня еще! Люби, люби, люби...»

В женский блок я возвращалась уже на рассвете. В коридорах было темно и спокойно, и я не столько шла, сколько тащилась, колени у меня подгибались, на лестнице, хочешь не хочешь, пришлось держаться за перила, и вся я была изломанная, больная и, несмотря на это, счастливая... Ах ты, мой милый, самый дорогой, самый любимый!

Это было в понедельник, 23 октября, вскоре после моих именин. А потом — ничего. Два раза мы сходили вместе в кино, один раз — на ужин, четыре раза он садился со мной на занятия, трижды, когда Катаржина уходила к тете, я приглашала его к себе, но он так и не пришел. Мало-помалу я убеждалась, что это конец, что та замечательная, незабываемая ночь была в то же время и последней.

А потом Гонза выиграл в спортлото третий приз и только чуть-чуть не дотянул до второго. Невезение прямо-таки фатальное, как он сообщал направо и налево, потому что именно ему, по общему мнению, больше всегогодились бы эти двадцать пять или сколько там тысяч. И все ему поддакивали, кроме Катаржины. Чем настойчивее он ухаживал за ней, тем большее вызывал у нее отвращение. И все же он решил, что свой проклятый выигрыш сложит к ее ногам, а говоря проще, прокутит его вместе с нею. Пригласил ее в «Дельту». Она категорически отказалась, но Гонза не отступился, пригласил еще раз, и Катаржина неожиданно сдалась. С условием, что он позовет всю компанию. Так он и сделал.

Наверное, я радовалась больше, чем Гонза. Целый вечер с Борекком или хотя бы вблизи от него — чего мне желать лучшего? Однако, когда слишком сильно ждешь чего-то хорошего, обязательно что-нибудь помешает. У меня так всегда бывает.

С удовольствием бы вычеркнула из своей жизни тот вечер, когда мы отправились в «Дельту». Если бы его не было, если бы, как в фантастической книжке, после четверга сразу наступила суббота, не глядел бы сейчас на меня Гонза такими страдальческими глазами и не стояла бы перед ним проблема отыскать убийцу Катаржины. Именно тот вечер в «Дельте» все и решил, я в этом совершенно уверена.

Для меня вся эта «драма» началась уже после обеда. В столовой Борек сообщил, что я должна законспектировать для него под копирку лекции. Сам он не сможет, к нему в Прагу приезжает дядя, и он обязательно должен его встретить. Писать конспект под копирку — обычное дело, но меня уже попросила об этом Катаржина. Она уходила к тете. Тетя и дядя, Борек и Катаржина — что это, случайность? У меня невольно возникли подозрения.

Для проформы я спросила Борекка, где и когда он встречается с дядей. Он ответил, что в полтретьего на Главном вокзале, а потом они еще посидят где-нибудь в кафе. Я сказала, пусть не волнуется, конспект для него я сделаю. А у меня волнения были еще впереди. Беда в том, что в два я должна была сходить к парикмахеру, а лекции начинались в три. К счастью, мне удалось вырваться на час раньше, и без четверти два я уже сидела под сушильным колпаком, держа на коленях немецкую грамматику, но никак не могла сосредоточиться и с трудом соображала, что читаю. Поэтому я захлопнула книгу и сквозь приоткрытую занавеску загляделась на уличную толпу. В воздухе уже кружились первые снежинки, ветер играл с ними, унося их то вверх, то вниз, а потом они ложились на мостовую, где

сразу же таяли и превращались в жидкую, грязную кашицу. Я всерьез загрустила, представляя Борека ветром, а себя снежинкой, пусть не такой хрупкой, но такой же брошенной и ненужной, и чуть не ударилась в слезы. Чтобы отвлечься, я стала разглядывать прохожих, в них ничего грустного не было. Вдруг среди незнакомых лиц появилась фигура в элегантном сиреновом плаще, ослепительно белых сапожках и модной шляпке над водопадом золотых волос — Катаржина. Я увидела ее совсем близко, она миновала парикмахерскую, круто свернула направо, перешла через дорогу и свернула в поперечную улицу. Наше «свидание» не удивило меня: Катина тетя жила где-то здесь, на Малой Стране, но тут мое внимание привлек еще один прохожий. Теперь уже о случайности говорить не приходилось, подозрения мои явно подтверждались, тетенка с дяденкой определенно имели связь. Прохожий, который свернул за тот же угол, что и моя подруга, как раз сейчас должен был ожидать поезда на Главном вокзале на другом берегу Влтавы.

У меня хватило сил саркастически улыбнуться. Вслед за парижским художником наступила очередь Борека.

И тут я так вздрогнула, что ударилась лицом о сушилку. Какая же я дура! Да никакой не Виктор, а Борок, Борок был тогда ночью у Катаржины. Потому-то она и утащила меня в туалетную, потому-то и заслонила дверь, потому-то и напела мне басен о первом прегрешении против шестой заповеди. Просто она разыграла со мной комедию, которую я простодушно приняла за чистую монету. Нет, ночному гостю Катаржины вовсе не надо было подкупать вахтера или прыгать через окно, он спокойно прогулился по коридору через два соседних блока, и все дела! Пока Катаржина валяла передо мною дурака в туалетной, ему вполне хватило для этого времени.

О Господи, как же я могла быть такой глупой и доверчивой?..

Катаржина вернулась в общежитие около семи. На мой вопрос не видела ли она Борека, ответила, что нет. А почему я спрашиваю? Ах, вот что, из-за лекций. «Ну, сейчас ему не до науки, Зузика, — улыбнулась она. — Он же идет с нами в «Дельту»... Или нет?»

— Идет, конечно, — кивнула я. — Почему же нет?

— Вот еще забота! И чего Гонзе приспичило разыгрывать миллионера? Идиот!..

— Ну отчего же? Ради тебя он готов на все... И не он один.

— Перестань, Зузика, а то сейчас получишь! — пригрозила она беззаботно и весело. — Лучше помоги выбрать наряд. Что нашему Гонзику понравится?..

Она вынула из шкафа короткое светло-голубое платье.

— Ну, знаешь, — заметила я, — ты ему скорее без платья понравилась бы...

— Да, да, конечно, — вздохнула она. — Зузанка встала сегодня с левой ноги. Ты что, поругалась с Бореком?

«Комедиантка!» — чуть не сорвалось у меня с языка, но вслух я произнесла:

— Нет, мы с Бореком никогда не ругаемся.

Весь вечер Борок сидел рядом со мной и всем своим видом

давал понять, что я его не интересую. Тем не менее развлекались мы от души. Я имею в виду всех остальных, у меня настроение было мерзкое. Гонза требовал одну бутылку за другой, а я отважно пила. Сказочное лекарство от воспоминаний. Пусть Бореk меня не замечает и, очевидно, больше никогда замечать не будет, пусть все идет не так, как я ожидала, — не беда. Ведь я уже после обеда получила ясное представление, к чему дело клонится.

Часов около десяти Гонза вдруг завел разговор о хате в горах и о том, что мы могли бы отправиться туда на Рождество. Мы немного попрепирались на этот счет, обсудили со всех сторон, и в конце концов оказалось, что никто не возражает. Одна Катаржина молчала. Гонза сначала не хотел ее спрашивать напрямик, ходил вокруг да около, но потом решился и сообщил, что туда едет прямой автобус через Костелец, где она может к нам присоединиться. Катаржина ничего на замечание Гонзы не ответила, сделала вид, что не расслышала. Тогда вмешался Бореk.

— Надеюсь, ты тоже поедешь, Катаржина? — спросил он ее, но прозвучало это как приказ.

Я ожидала, что Катаржина осадит Борека, но она только деланно улыбнулась, нерешительно пожала плечами и робко призналась, что совсем не умеет ходить на лыжах, а кроме того, десятого у нас экзамен по немецкому. Тут все заговорили разом, уговаривая ее, присоединилась к этому хору и я, но сама не сводила глаз с Борека, следя, когда и что он скажет. Катаржина почти оправдывалась, что на Сильвестра ей надо быть дома, а на пару дней...

Не закончила. Бросила короткий взгляд на Борека, а он еле заметно кивнул, слегка нахмурился и подвел итог:

— Ну, значит, до Сильвестра.

Дальше я уже не вслушивалась. Словно откуда-то издалека до меня донеслись слова Катаржины, что она поедет.

Она подчинялась ему так же, как и я. Ни словом не осмелилась возразить, хватило одной фразы, одного взгляда — и королева Ядрана, удивительная и завлекательная Катаржина превратилась в послушную девочку. Скажи он ей: «Иди на площадку и разденься!» — она пошла бы без единого звука.

Довольный Гонза пригласил ее на танец. Он выглядел сейчас как пятилетний мальчишка, который нашел под рождественской елкой велосипед. Меня пригласил Бореk. Все три танца он таинственно ухмылялся. Произнес только пару слов: «Ну и дурак этот Гонза!»

Следующие два часа прошли как в кошмарном сне. Я беспрерывно повторяла про себя одну и ту же фразу, как ведьмино заклинание: «Бореk и Катаржина — любовники». Но почему они это скрывают? Почему играют с нами в прятки? Какие у них для этого причины?

Вопросы, вопросы, целый ряд безответных вопросов... А неожиданности тем временем не кончались.

Мы пошли привести себя в порядок — Катаржина, Алена и я, — и, когда возвращались к своему столику, нас вдруг

остановил какой-то человек и пригласил Катаржину на танец. Я даже не обратила внимания, что он обратился к ней по-немецки. Алена в общем-то хорошо разглядела его — от бриллиантовой заколки в галстук до золотого перстня с печаткой. Она еще уверяла, что он обратился «Fräulein Katharine», но этому не очень поверили, потому что она была уже порядком навеселе. После первого танца тот человек пригласил Катаржину к бару, я видела ее отрицательный жест, потом она оставила его и вернулась к нашему столу. Мой партнер ревниво следил за происходящим и комментировал каждое движение Катаржины.

— Ишь ты, кабан, как напирает! Думает, если у него карман набит марками, так все может себе позволить... Эх, турнуть бы его отсюда, да и всех этих иностранцев! Очень может быть, что они тут во время войны разгуливали в эсэсовской форме, а мы перед ними расстилаемся...

И все такое прочее. А когда после второго танца Катаржина бросила немца и тот отправился к бару один, Гонза чуть не запел оду национальной гордости и чувству самоуважения Катаржины. Танцевальная серия еще не успела закончиться, как Катаржина исчезла, и Павел пояснил нам, что она и в самом деле удрала от слишком настырного иностранца.

— Он принял ее за тузексовую кралю, а вы же знаете Катаржину. Разозлилась и уехала домой. Не в общежитие, а в Костелец.

Гонза выругался. Борек промолчал, но по его глазам я поняла, что он смеется про себя. Я тоже молчала, мне было о чем подумать. Когда мы с Гонзой возвращались с площадки, я заметила, как Катаржина перекинулась парой слов с Борексом. Могу поклясться, что она что-то вынула из сумочки и подала ему. Потом мне стало дурно, и пришлось срочно выйти в туалет. Я умылась, натерла виски одеколоном, а потом встала перед зеркалом и взглянулась в свое лицо, такое простое, невзрачное. Мне захотелось разрыдаться, и я отвернулась от зеркала. За эти несколько минут немного пришла в себя, но голова еще слегка кружилась. Выйдя из туалета, я направилась по лестнице не вниз, а наверх, на второй этаж. Опомнилась уже наверху. Остановилась и недоуменно уставилась на длинный гостиничный коридор с нумерованными дверями, на темно-красный ковер и уютно освещенные уголки отдыха с клубными креслами и курительными столиками...

В тот момент, когда я поняла свою ошибку, я заметила, что в коридоре не одна. Чуть поодаль появился Катаржинин партнер. Он открыл дверь одного из номеров, но не вошел, а обернулся к ближайшему закоулку, махнул рукой; и я услышала короткое приглашение:

— Na bitte, keine Angst!¹

В голове мелькнула мысль, что господин иностранец быстро нашел себе замену. Вдруг из клубного кресла поднялась женская фигура в плаще с поднятым воротником и в несколько пружинистых, приглушенных ковров шагов проскользнула в но-

¹— Ну, пожалуйста, не бойтесь! (нем.)

мер. Тузексовка во всей своей красе. Немец зашел следом за ней, коротко щелкнул замок.

Я оторвалась от стены, сбегала на первый этаж, а оттуда в ресторан. Эпизод, невольным свидетелем которого я только что стала, выбил меня из колеи. До сих пор я только слышала и читала о продажной любви, а теперь увидела такую сделку собственными глазами. В профессиональном исполнении. Ни минуту не сомневалась, что «дама» наверху не была дебютанткой.

Помню еще, что, когда Гонза расплачивался по счету и выложил на стол зеленые сотенные бумажки, мне вдруг стало интересно, сколько может стоить такая «ночь любви» в роскошном отеле и с такой профессионалкой. Никакой конкретной цифры я представить себе не сумела, но одно поняла отчетливо: даже если всплакну в подушку, легче мне не станет.

4

Я внимательно посмотрел на Зузану. Она просто ела меня глазами, словно мои слова могли быть окончательным и не подлежащим обжалованию приговором кому-то из нас.

— Зачем так вот сразу думать о самом худшем? А что, если это несчастный случай или самоубийство? — поддержала Зузану Алена.

— Нет, — возразил я. — Если бы она лежала на животе и нож был под нею, тогда еще допустимо. А так... нет! Очень жаль, но убийца сидит среди нас.

Алена хотела еще что-то сказать, но только тяжело вздохнула и опустила глаза на скатерть, где нервно сплетал и расплетал пальцы Борек. Туда же сосредоточенно смотрела и Зузана.

Я повернулся к Мирке.

— Катерина совсем раздета. Ты можешь сказать, в чем она спала?

— Если тебя это интересует, на ночь она надевала сиреневую пижаму... Она иногда ходила в ней на завтрак.

— Верно, — вспомнил я и тут же сообразил, где видел эту пижаму. Она лежала рядом с постелью, ближе к ногам. Когда Павел взял лампу, чтобы унести ее, я определенно разглядел пижаму.

Немного поколебавшись — очень уж не хотелось возвращаться в комнату, где лежала убитая, — я все-таки пересилил себя, подошел к двери, приоткрыл ее и остановился на пороге.

— Пижамы лежит у постели, — сказал я. — Когда к ней зашел убийца, она как раз хотела ее надеть. Но не успела. Значит, ее убили перед сном.

После этих моих слов наступила долгая пауза. Разглядывая присутствующих, я представил себе, что это я случайно застал Катаржину совершенно раздетой. Что бы она сделала? Наверняка поспешила бы чем-нибудь прикрыться. Скорее всего, бросилась бы в постель и укрылась одеялом. Между тем постель была аккуратно застлана. Катаржина продолжала одеваться ко сну. Значит, убила ее женщина. Мирка, Зузана или Алена.

Зузану я исключил сразу же. Представить, что она убила, было просто невозможно. Тихая, пассивная Зузана абсолютно не подходила для этой роли. Мирка была со мной, а у Алены не было повода для убийства. Но... в самом ли деле не было?

Перед глазами снова встало ужасное зрелище нагой Катаржины с ножом в груди, потом мелькнуло еще несколько эпизодов: короткий разговор Павла и Катаржины перед ее уходом из «Дельты», явное раздражение Алены в обращении с Павлом уже здесь, в избе, и еще одно, казалось бы, невинное происшествие во время вечеринки. Случилось оно после полуночи. Зузана отправилась куда-то на двор, Борек с Аленой пошли за нею, а мы с Миркой и Павел с Катаржиной танцевали. Кто-то еще раньше погасил все свечи, в кухне было совсем темно. Я страшнo завидовал Павлу, который держал в руках Кат, к тому же полуодетую и, впервые на моей памяти, немного навеселе. Поэтому, целуя в темноте Мирку, я мучился, представляя, что там вытворяют Павел с Катаржиной. Потом кто-то зашел в кухню, щелкнула зажигалка, Павел и Кат отпрыгнули друг от друга, и я разглядел в слабом, колеблющемся свете пронзительный взгляд Алены. Я вновь совершенно отчетливо увидел эту картину, но постарался отогнать ее, оставил пока мотив убийства в покое и решил заняться восстановлением по времени событий этой трагической ночи. У кого из нас, собственно говоря, есть алиби?

Около часа ночи наша вечеринка закончилась, все девчонки отправились в коридор к умывальнику. Потом ушел Павел, а следом за ним и Борек. Я остался на кухне. Павел не вернулся, зато появилась Мирка, а после нее прошла в свою комнату Катаржина. Чуть погодя заглянул и Борек. Покурил с нами пару минут и исчез. Скорее всего, в уборную. Когда туда отправился я, то заметил его в сугробах. А когда возвращался обратно, натолкнулся на Мирку. Ее я не только заметил, но стал обнимать и целовать. Она отбивалась, крича со смехом, что, мол, где это видано, где это слыхано: соблазнять честную девушку в такой буран. Я наконец крепко схватил ее в объятия, снежинки таяли на наших губах, и, прежде чем декабрьский холод загнал нас в избу, кухня добрых минут пять стояла пустая. Кто угодно мог там пройти, заглянуть в комнату Катаржины, ударить ее ножом и тем же путем незаметно ускользнуть. Борек и Зузана, Павел и Алена. В конце концов, пока я стучал зубами в уборной, и та же Мирка. Впрочем, ее я из списка возможных преступников вычеркнул. Убить, а потом заняться любовью, изобразить любовную страсть, а потом снова вернуться к уже холодной жертве, изображая панический испуг... Нет, Мирка не была такой опытной и вместе с тем хитрой актрисой. Конечно, поводов для убийства у нее могло быть сколько угодно, мы ведь ее совсем не знали, но само по себе это ни о чем не говорило, а главное, ничего не доказывало.

Словом, вывод напрашивался только один: нет ничего хуже, чем искать убийцу среди друзей. Кое-что из своих рассуждений я произнес вслух:

— Если рассуждать логически, ясно, что в момент убийства

Катаржина была голая. Никто из нас ничего не слышал: ни крика, ни шума, ни борьбы. Постель застелена, пижама лежит на полу, убийце хватило времени спокойно примериться и ударить, а она даже не сопротивлялась, не укрывалась, продолжала заниматься своими делами, словом, не стеснялась своего убийцы...

— Точно! — крикнул Павел.

— Поэтому я считаю...

— ...Что убийца — женщина, — закончил теперь уже Борек.

— Не перевирай! — со злостью бросила Мирка. — Гонза имел в виду не женщину, а того, перед кем Катаржина не стеснялась бы. Например, перед своим любовником. А это ты! Где хочешь об этом скажу!..

— Ты что угодно можешь сказать! Даже то, что я сын персидского шаха, — довольно спокойно отразил Борек Миркин выпад. — Зато ты тут ни при чем, хотя могла в любое время незаметно зайти к ней в комнату и так же незаметно выйти.

— Точно так же, как и ты, — выпалила Мирка. — Дверь в вашу комнату мы не запирали.

— Тихо! — крикнул я. — Опять начинаете?.. Да поймите же, что, если мы хотим во всем разобраться, надо плюнуть на догадки и взаимные антипатии и придерживаться только фактов. Фактов!..

— А ты их знаешь? — осклабился Борек.

— Думаю, что не только я.

— А кто еще, по-твоему? Убийца, да? Но, если не ошибаюсь, он только что отказался добровольно признать вину.

— Ошибаешься. Черт с ним, с признанием. Я хочу разобраться досконально. И тут все зависит от тех, у кого совесть чиста. Если каждый из нас станет говорить правду, убийце деваться некуда. Так-то, Борек.

Он умолк, а я продолжал:

— Катаржину нашла Мирка в полчетвертого. До этого она была со мною в кухне, потом пошла за сигаретами. Верно?

— Да, — подтвердила Мирка. — Я испугалась и стала кричать. Потом вы пришли... Больше ничего не знаю.

— Не ври, — взволнованным голосом проговорила сидящая за столом Алена. — Если уж правду, так правду, а ты знаешь гораздо больше, чем мы все, вместе взятые. Что вас объединяло? Зачем ты вообще поехала? Почему требовала, чтобы она уехала? Катаржина убеждала нас, что пригласила тебя, а на самом деле ты сама себя пригласила. Ты ее заставила. Не отпирайся, я слышала, как вы разговаривали в туалете в ресторане. Я все слышала, и ты прекрасно знаешь, что Катаржина поехала в горы из-за одного из наших парней. И знаешь, из-за кого. Так что не прикидывайся овечкой, мы на это не клонем. Ты хорошенькая цаца, Мирка, я сразу же тебя раскусила. Но чтобы ты и на это была способна — убить, а потом устроить целое представление...

— Хватит! — выкрикнула Мирка чуть ли не в истерике. — Перестань! Перестань, гусыня несчастная! Сама не знаешь, что плетешь!..

— Зато знаю, что ты сволочь, и верить тебе нельзя ни на грош.

— Ну что ж.— Мирка вдруг заговорила тихо и ровно.— Вы, конечно, интеллигенты, в институтах обучаетесь, а я простая девчонка. Ничего особенного, таких, как я,— миллион. Но... сволочь. Стерва. Ну, конечно, сверху вниз плевать удобно. Желаете быстро и ловко свое убийство свалить на меня, а самим остаться чистенькими, как слово Божие. Это в вашем стиле. Все вы такие же, как она... Как Катрин...

МИРКА

Я поняла, что Катрин уже давно остыла, и, глядя на ручку ножа, торчавшего у нее из груди, невольно вспомнила слова Берта: «Ну, что ж, это профессиональный риск». Именно таким некрологом он почтил память Ирены, когда та свалилась вниз головой с шестого этажа, а австрийцу, который провел эту ночь с ней, не пришлось в голову ничего умнее, как кинуться в первую попавшуюся телефонную будку и позвонить легавым.

Тогда мы здорово напугались, хорошо еще, что вся эта передряга произошла не в арендованной квартире. Родители Ирены куда-то уехали из Праги, вот она и пригласила дорогого иностранца к себе домой. Впрочем, Ирене на роду было написано плохо кончить. Она принимала «феник» и, когда его действие кончалось, совсем падала духом, к ней приходили видения, а в последнее время и черные мысли.

212 После смерти Ирены Катрин стала потихоньку, но заметно отлынивать. Спихивала на издерганные нервы, на занятия, на всякую всячину, а сама работала соло. Она могла себе это позволить, в ее распоряжении была сказочная квартира, ателье одного молодого художника, который уехал учиться в Париж, а перед этим ее рисовал. Понятное дело, «просто так», как выразился бы этот орангутанг Павел, но зато сильно художественно, так что родная мама не узнала бы. Словом, тот художник увековечил ее, кажется, на шести полотнах и все их продал, к тому же через ту корпорацию, которая занимается продажей лотереек с Моной Лизой, так что там пахло тысячами. Сколько хапнула Катрин, не имею понятия, но если бы даже не шиша, одна только квартира стоила твердой валюты. У нее была постоянная клиентура: пара летчиков из «Суисэр» и «Эр-Франс», два или три дипломата из западных посольств, но главной фигурой для нее был один немец. Промышленник или крупный коммерсант, кажется, из Мюнхена, этаким невзрачный мужичонка, похожий на плешивую бочку, да и шестой десяток уже разменял, но кавалер на все сто, старой доброй школы. Он был одним из лучших заказчиков Берта, пока тот не свел его с Катрин. Ездил или летал в Прагу не реже чем раз в месяц, по каким-то своим делам, но стоило ему только раз погулять с Катрин, и больше к Берту за посредничеством он не обращался. Она его захомотала для себя, а Берта оставила с носом. Однажды, когда мы вместе гуляли, она призналась, что надиктовала ему в блокнот штук десять телеграмм на чешском языке, вроде «Приеду

домой в 18 часов» или «Купи в Праге 20 пачек изюма». Так он давал ей знать, когда будет в Праге и когда встретится, потому что звонить в общежитие она ему категорически запретила.

Короче говоря, она могла себе позволить жить, как хотела. Ведь «гонорар» в бундесмарках или долларах куда выше, чем тарифная ставка у Берта, где, правда, добавляются кое-какие валютные чаевые от благородных клиентов, но зато всегда грозит опасность в любой момент оступить и загреметь. И тогда — прощай, учеба, прощай, добрая репутация: «В соответствии со статьей такой-то о тунеядстве...» и т. д. При работе соло с интеллигентным партнером никакой опасности нет, потому что при отсутствии улики и свидетелей все можно спокойноенько свалить на внезапную страсть, которая не запрещается и тем более не наказывается ни в одной цивилизованной стране.

Берт бушевал, как ураган, да только всю кашу заварил он сам. Именно он каждый раз подсовывал ее самым многообещающим заграничным тузам, и как только клевала крупная экспортная рыба, тут же в ход шла Катрин. Немецкий она знала прилично, а английский — лучше не надо, не то что там какие-нибудь «Ай ем хепи дет си ю» или «Ю ар э найс бой»¹. С ней можно было потолковать обо всем на свете: о моде и о музыке, о пражских памятниках культуры и о политике — она шла по наивысшей таксе, нарасхват. В конце концов бизнес есть бизнес, и Берт стал спрашивать за нее какую-то супертаксу, оттого-то так и разбушевался, когда она его отшила и к тому же начала отбивать клиентов. Он ей грозил, предупреждал, однажды даже поклялся, что пошлет на факультет анонимку, но Катрин только смеялась над ним.

— В самом деле, пан Лукавский? Тогда мне вас жаль. Когда вся эта афера провалится, больше всех пострадаете именно вы.

А он ей ответил, что всю жизнь работает с курвами, но такой, как она, еще не встречал.

Наконец кое-как договорились, Берт «закопал топор войны», а она время от времени делала ему уступку, но только с иностранцами и всегда на одних и тех же условиях. Строгая секретность, встреча на месте, в ателье, никаких ресторанов и баров. Берту ничего не оставалось, как согласиться на этот ультиматум. Лучше это, чем ничего, а Катрин ему регулярно платила.

И вот перед Сильвестром на горизонте появились три американца с кучей долларов. Они обратились к Берту, и тот предложил им полную культурную и развлекательную программу, включая цветные фотографии девчат. Да еще в двух комплектах. Мне повезло: меня выбрали вместе с Катрин. У Берта слабость к хорошей рекламе, с учетом наших возможностей и строгой конспирации он старался делать все, как на Западе, а там без каталога никуда. Мы с Сашей позировали в костюме Евы, а Катрин, как «дама из высшего круга», — во французском туалете с рюмкой «наполеона» в руке. Ни одна фотомодель ей и в подметки не годилась. А если учесть, что те цветные

¹ «Рада тебя видеть», «Ты чудесный парень» (англ.).

изображения «агфаколор» рекламировали не парижские туалеты и не мозеровское стекло, а элегантную красавицу, то у симпатичного американского агента, покупавшего у Берта для своих земляков «культурную программу», голова пошла кругом, и второй комплект он, наверное, даже смотреть не стал.

Американцы были люди солидные, и программа включала субботний завтрак в «Дельте», посещение оперы в Народном театре, ужин в ресторане, переход в арендованную квартиру и так далее, а заканчивалась в воскресенье, на Сильвестра, вечеринкой в укромном местечке — словом, целых три дня блаженства.

Мне было поручено обработать Катрин. Она была против по нескольким причинам. То на Рождество и Сильвестра сообщил о приезде ее мазила из Парижа, и она в благодарность за ателье должна была упасть ему в объятия и на пару часов превратиться в модель, то ей не нравилось завтракать и ужинать в отелях, а на закуску она вообще брякнула чушь несусветную: они, мол, с однокашниками договорились поехать в горы. А тут еще Берт пристал с ножом к горлу: не уговоришь Катрин — тогда и сама проваливай. Я пустилась во все тяжкие и дело почти уладила. Художник, к счастью, объявился еще перед святками, а к Рождеству уже с полным сундуком «по-своему увиденных» Катаржин отбыл обратно на Сену, студенты на Новый год обычно разъезжаются из Праги, а в «Дельту» наверняка не заглядывают — словом, осталась только одна проблема: та дурацкая поездка в горы. Тут она уперлась: надо, и все.

214 Когда я доложила о своих успехах Берту, он обложил меня, как собачонку, а с Катаржиной решил так: «Ты тоже поедешь в горы и хоть веревкой к ней привяжись, а ни на шаг не отпускай. Справку от врача насчет гриппа получишь, деньги туда и обратно тоже». На Рождество я заглянула к нему, получила освобождение от работы и две сотни задатка и с утра почесала в горы. Я все-таки женщина, и меня, понятное дело, так и зудило узнать, из-за кого Катаржина отправилась в это путешествие, но вытянуть из нее удалось очень мало. Она призналась только, что есть у нее кое-какие счеты с одним парнем, которого бы она охотно спровадила на тот свет, и что, очень возможно, ей понадобится моя помощь. Спать мы будем вместе, но когда она шепнет, надо будет очистить помещение. Одна теплая постель со всеми удобствами будет к моим услугам. Больше я от нее ничего не добилась. Катрин вообще не любила душевных излияний, поэтому я настроилась распутывать все эти узлы сама.

Поначалу за объект ее «счетов» я приняла Павла. По чисто психологическим мотивам: он настоящий культурист, и я предположила, что, возможно, Катрин хочет утихомирить с ним свои женские инстинкты, возбужденные встречами с иноземной шуперой.

Но на Павле пришлось сразу же поставить крест. Достаточно познакомиться с его смуглой красоткой с цыганской шевелюрой, чтобы сообразить: цепь, на которой сидит этот парень, выкована из гораздо более прочного и надежного материала, чем амери-

канский доллар. Следующим на очереди был Гонза. Тот же тип, что и Павел, только в более интеллигентном исполнении, и вообще люксовый парень. Влюблен он был в Катрин по уши, но подкатывался так простодушно и беспомощно, что так и тянуло его по головке погладить. И так, оставался третий «кореш». На вид явный прохвост, бледная копия Берта. Глаза — как два штыка, а при нем девица, которую я могла бы представить себе училкой французского в женской гимназии или идеальной домохозяйкой, повесившей в квартире рушничков с надписями вроде: «Кто Бога не забудет — тому добро и счастье будет». Для этих ролей она годилась, но вот стать партнершей такого мужика, как этот, да чтобы он из-за нее потащился в горы, — нет уж, извини подвинься! И не то чтобы она была мымра — физиономия у нее даже пригожая, но больше-то в ней ничего не было. Разве что килограммов восемь лишнего веса. А когда он спокойно позволил ей нести рюкзак, а сам позаботился о Катрин, комментарии, как говорится, были уже излишни.

Едва мы устроились в избе, Катрин спросила, как мне понравился Гонза.

— Годится, — ответила я. — На него и рассчитывать?

— Пожалуй, нет, — загадочно усмехнулась она. — Я тебе потом скажу.

Если бы она сказала: «Пойди и переспи с ним», — я бы еще побрыкалась, ну а раз «пожалуй, нет», то я назло решила, что «точно, да!», будет это на руку Катрин или нет.

Он клонул мгновенно, стоило к нему подсесть да пару раз прижаться. Катрин, разумеется, приняла вид дамы из высшего общества и на вечеринке вела себя, как настоящая святоша. Я заметила, что она почти не пьет, а говорить старается поменьше, да к тому же в таких изысканных выражениях, словно она тут умнее и культурнее всех. Когда же она стала брыкаться из-за «согласен — не согласен», да еще изобразила, что стесняется скинуть джинсы, меня окончательно допекло, и я дала зарок сбить с нее спесь. Если бы она никогда раньше в такой «групповой игре» не участвовала, я бы, может, и не рыпалась. Но ведь именно Катрин быстрее всех скидывала все одежды, а чулки, часы или брошку и тому подобные никого не интересующие части туалета и за фанты никогда не считала, разве что хотела расколоть Берта на повышение тарифной ставки. Именно Катрин умела раздеваться под любую музыку, от Баха до Влаха, почище любой профессиональной венской или парижской стриптизерки. Королева Ядрана, из-за которой в Югославии один темпераментный туземец набил морду американскому туристу, а жена того туриста с горя наглоталась сонных порошков, так что пришлось ей там, в Дубровнике, прочищать желудок, — так вот эта Катрин, красotka международного класса, вдруг смущается показать трем интеллигентным недорослям и их дурехам свои штанишки, да еще ухитряется покраснеть!.. Вы можете представить такое лицемерие?

Не забывала я следить и за Бореком. Едва только его милой подружке стало дурно и она отправилась на свежий воздух восстанавливать нарушенные функции организма, как он мигом

погасил лампу и свечи, и в кухне стало темно, хоть глаза выколи. Правда, Павел успел увести Катрин у него из-под носа, да только зря старался. Я танцевала с Гонзой совсем рядышком и слышала, как Катрин спросила, не хочет ли он схлопотать оплеуху, а потом этот пришибленный «атлет» отправился улаживать свою чернявую милашку, которая все это подглядела и в страшной обиде отправилась восвояси. Прямо цирк!

Ну а там уже за Катрин взялся Бореk, Гонза явно переориентировался на меня, а Зузана еще не пришла в себя. Они отодвинулись от нас на пару шагов, и он стал потихоньку направлять ее в соседнюю комнату. Мне было слышно, как она прошипела у самых дверей:

— Чокнулся? Только не сейчас.

Ответом было его резкое, как укус гадюки:

— Когда?

После того как зажгли свет, я поинтересовалась у Катрин, надо ли мне сматываться уже в первую ночь. Она пожала плечами и заявила:

— Нет, в этой халупе столько глаз и ушей, что не стоит рисковать. Так что не заставляй себя делать то, чего не хочешь.

— Ну и чудесно! — кивнула я, тут же решив, что обязательно себя «заставлю».

Вечеринка потихоньку угаsla, следом за Аленой и Павлом отправились в постельку и Зузана с Бореком, а мы с Гонзой остались в кухне одни. У него Катаржина явно не выветрилась из головы, и когда мы сварили кофе, он, вроде бы между прочим, спросил, откуда мы друг друга знаем.

Я подседа к нему на постель:

— А чего это тебя так интересует?

— Интересует? Да брось ты! Я просто так спрашиваю... Ладно, забудь, а то еще скажешь, что я у тебя секреты выпытываю...

— Какие там секреты! Просто мы были вместе летом на отдыхе.

— В Югославии?

Я кивнула.

— Значит, ты тоже участвовала в конкурсе красоты?

— Нет, — засмеялась я. — Слишком самокритично себя оцениваю.

— Фигура у тебя что надо, — польстил он и обнял меня за плечи.

— Дорогой и многоуважаемый, — продолжала я валять дурака, — на таких конкурсах разве дело в фигуре? Знаешь, какие там фигуры у девочек были — настоящие секс-бомбы! Но Катрин получила от Бога еще кое-что.

— Интересно, и что же?

— Наверное, бросающуюся в глаза невинность, горделивую поступь и шарм, умение очаровывать каждого — и младенца, и старца. И потом, она знает английский, немецкий, русский, словом... — Я сделала паузу и с легкой иронией закончила: — ...интеллектуалка.

Пустые чашки от кофе остались на столе, а мы очутились

в Гонзиной постели, и он сделал мне признание, от которого я чуть не разиюнилась. Что я девчонка первый сорт, и он хотел бы встречаться со мною и в Праге. Я так расчувствовалась, что нежно поцеловала его в лобик, а он выложил насчет Катаржины, что, мол, всю эту поездку затеял из-за нее и залез в долги так, что до марта не расплатиться, но ничего, летом он пойдет работать в бригаду лесорубов и заработает кучу денег.

Я оставалась с ним до утра, мне и вправду было хорошо, так хорошо, как давно уже не было.

Наутро нам с Катрин полагалось дежурить, что означало приготовление завтрака, обеда и ужина. Завтрак она спихнула на меня, а я, чтобы взять реванш, заявила, что пусть она идет кататься на лыжах вместе со всеми, а я обойдусь без лыж и останусь готовить обед.

Катрин, однако, мое притворное великодушие раскусила и твердо заявила, что хочу я или нет, а кататься придется.

— Да ты что? — возразила я. — Ради тебя я должна кататься?

— Нет, — засмеялась она. — Ей-богу, нет. Но ты обещала мне помочь, а мне как раз нужна твоя помощь, понятно?

— Ага, значит, будем сводить счета, — заулыбалась и я. Катрин кивнула. Спрашивать, с кем, не было необходимости. Борек с самого утра принял страдальческий вид, к завтраку вышел, обмотав шею нагретым полотенцем, едва волооча ноги, вышил, поддавшись настойчивым уговорам Зузаны, чашку черного кофе без сахара и поскорее смылся обратно в постель. Я нарочно пошла за ним, дескать, если ему чего-то надо, то я, как дежурная, сделаю, но он только криво ухмыльнулся и поблагодарил за заботу, а его клуша сказала мне:

— Ты такая добрая, Мирушка. Знаешь, Борек почти все святки прохворал, и я упрекаю его за то, что он вообще сюда поехал.

Она гладила его по голове, а он выглядел так, словно жевал щавель, запивая касторкой.

— Ладно, — сказал он ей, — не пой тут Лазаря. К вечеру буду как огурчик. Иди кататься, а завтра я сам за тебя возьмусь.

Я не удержалась и напомнила Зузане, что, если Бореку что-то потребуется, например, сменить полотенце, рядышком будет Катаржина. Она приняла мою ядовитую подковырку точно овечка, которая даже не понимает, что ее ведут под нож.

— Да нет, Борек будет баиньки, правда? — И снова погладила его по головке. А я чуть язык себе не откусила, так мне хотелось крикнуть: «Да проснись же ты ради Бога, подруга! Не будь такой дурой!»

До самого обеда мы ездили вместе, и получалось у нас одинаково плохо. К счастью, от нас не отходил Гонза, учил всяким там поворотам-разворотам. Сам он ездил на лыжах мастерски, представляю, как ему было с нами тошно, тем больше я ценила его самоотверженность. Бедняга, аж до марта залез в долги, да еще и возился с нами, неумехами, пока эта сволочь Борек, зашвырнув подальше свое полотенце, развлекается с Катрин. Мысленно поклялась, что обязательно поужинаю с ним пару раз в Праге.

Берт Бертом и работа работой, но могу же я себе позволить удовольствие даже в разгар туристского сезона. А перед расчетом подкину ему сотню, пускай он даже немного обидится, все равно уговорю: вот доучишься — и все мне вернешь, милая ты моя мордашка.

Алена летала туда-сюда метеором, а ее орангутанг старался не отставать. Умением он не отличался, но в отличие от нас с Зузаной спортивная жилка у него была. Тем временем Зузанка, к которой я относилась уже почти совсем хорошо, пыталась делать повороты и чаще всего падала, и от ее неохватной задницы на девственном снегу оставались глубокие ямы. Перед тем как упасть, она каждый раз взвизгивала так простодушно, что я про себя решила дать Катрин хорошую взбучку, когда вернемся в избу. Интересно, сколько раз эти двое там «свели счеты»?..

А в общем-то поездка оказалась удачной, лыжами я прямо-таки увлеклась, да и отпуск оказался настоящий рождественский. Семьдесят процентов заплатят по больничному, дорога бесплатно, Гонзу тоже можно записать в актив, Сильвестр с американцами обеспечен, чего еще желать? Погода была о'кей, снег — как в русской сказке, и домой никто не гнал. Инструкция Катаржины: «Задержи ее как минимум до обеда, смотри, чтоб она через какой-нибудь час сюда не приперлась» — оказалась легковывполнимой, так что я могла наслаждаться красотами зимы и беседой с Зузаной.

218 — Давно ли вы с ним ходите?.. Сильно он тебе нравится?.. Будете жениться?.. А кем вы будете после учебы?.. А по сколько человек у вас живет в комнате?..

Когда я узнала, что она живет вместе с Катаржиной, меня чуть кондрашка не хватила. Так вот, значит, как эти интеллигентки понимают дружбу, честность и порядочность. Что Катрин — гадюка, это я и раньше знала, но отбить у такой девчонки такого парня... Чтоб ее черти побрали, это уж перебор. Уж настолько-то я разбиралась в так называемых интимных делах, чтобы сообразить: стоит Бореку хотя бы разок переспать с Катрин, как на Зузанке он точно поставит крест.

После обеда мы с помощью добряка Гонзы помыли посуду, и я приступила к делу. Мы лежали на постелях — я с сигаретой, Катрин без, — говорить приходилось шепотом, чтобы ни в кухне, ни в соседней комнате нас не могли подслушать заинтересованные стороны.

— Ну что, подвели баланс? — спросила я и стряхнула пепел в пустую коробку от печеночного паштета.

— Не совсем, — уклончиво ответила Катрин. — Во всяком случае, на эти два дня — да.

— Выходит, до Сильвестра? — удивилась я.

— Примерно так.

Я приподнялась на локте и выпалила прямо в ее завлекательные, ханжески-простодушные гляделки:

— Знаешь, Катрин, не собираюсь читать мораль, но не кажется ли тебе, что ты ведешь себя с той девчонкой как стерва?

— Это еще что? — чуть не подпрыгнула она. — С какой еще девчонкой?

— Да брось ты, не втирай мне очки, — с досадой произнесла я. — Живешь с ней в одной комнате и отбиваешь у нее парня. Без стыда и без жалости.

Катрин села на постели.

— Вот что, Мируш, — раздраженно заявила она. — Терпеть не могу, когда ты суешь нос в мои дела. Раз уж толком ничего не знаешь — лучше сиди и молчи в тряпочку.

— Не волнуйся, знаю очень даже хорошо, — отрезала я. — И хочу тебя предупредить: отольются кошке мышкены слезки. Если бы ты прибрала к рукам Алениного культуриста, я бы не пикнула. И парень хоть куда, и она красотой не обижена, может с тобой потягаться. Но у такой овечки отбивать такого прохвоста...

— Да замолчи ты! — прошипела Катрин и, похоже, разозлилась по-настоящему, почти так же, как в тот раз, когда я принесла ей письмо Берта с угрозой, что он разузнал адрес ее мюнхенского кормильца и, если она будет ломаться, отправит ему официальное врачебное заключение о венерическом заболевании, выданное на ее имя. Как и тогда, она побледнела, снизила голос до едва различимого шепота и выдавила: — Ты что думаешь, я в него втрескалась? Да я бы ему прикоснуться к себе не позволила, не то что поцеловать, понятно? Он меня вот где держит, в кулаке, и самым натуральным образом шантажирует.

Я всмотрелась в нее сквозь дымок своей «Спарты», не водит ли меня за нос — Катрин есть Катрин, ей соврать — что воды напиться, — но на этот раз ее досада и злость, кажется, не были притворными.

— Может тебя заложить? — спросила я.

— Увы, — кивнула она. — И ты даже представить себе не можешь, что творилось бы на факультете, как широко все это разнеслось бы. Сама в этом деле ни бум-бум, а мне читаешь мораль из-за какой-то Зузаны. Да и потом, если Борек ее бросит, пусть она мне еще спасибо скажет.

— А что он о тебе знает?

— Вполне достаточно, чтобы смешать с грязью. Только он хитер и соображает, что, если меня выгонят из института или даже посадят, ему от этого ничего не перепадет.

— А чего ему тогда надо? Тебя или денег?

— Не знаю, — сказала она и сокрушенно вздохнула. — Кое-что я с собой прихватила, но лучше всего со всем этим делом покончить. Раз и навсегда. Ничего другого мне не остается... Нет, — остановила она меня, — не бойся, на Сильвестра мы еще поработаем, но потом — крышка! Нервы и так уже ни к черту... — Она отвернулась к стене и спрятала лицо в подушку, но я успела заметить, что из глаз у нее потекли самые настоящие, непритворные слезы. — И ничего больше у меня не спрашивай. Тридцатого едем, в половине второго будем в Праге, а в новом году... В новом году посмотрим...

Я аккуратно раздавила окурок и подумала, что надежды надеждами, но из этой колее не так-то просто выпрыгнуть.

Главное, что Новый год и Сильвестр у нас обеспечены, и у Берта нет повода меня наказывать. Я могла быть довольна и тем, что совершила доброе дело: следующие дни показали, что мои упреки на Катрин все же подействовали, и она стала вести себя с Зузанкой так, что не придерешься. Вечером, перед той несчастной ночью с двадцать девятого на тридцатое, я слышала, как они по-дружески вели не очень интеллектуальную, но полезную беседу о платьях, шитье и портнихах. Борека Катрин, насколько возможно, избегала. А я только на него и злилась. Ах ты, гад, шантажист проклятый! А потом уж и на весь белый свет взъерепенилась: и на Борека, и на Катаржину, и на свою запутанную жизнь, и на набитых деньгами американцев... Чихала я на всех!

Ближе к вечеру мы схлестнулись с Аленой. Она возвращалась из уборной, а я как раз вышла подышать горным озоном, потому что в кухне была духотища, а особенно меня дожимал «аромат» говяжьего жира, который я терпеть не могу. Она остановилась рядом со мной и с язвительной вежливостью поинтересовалась:

— Так на кого ты глаз положила, Мируш?

Я окинула ее взглядом с ног до головы — от фирменных лыж, темно-синих рейтуз и белого югославского свитера с норвежской вышивкой до насмешливых черных гляделок — и ответила:

— Можешь не волноваться, не на твоего атлета.

Она деланно засмеялась:

— Овчинка выделки не стоит, да? Какой-то нищий студентик... У тебя запросы куда повыше.

220

— Ты так думаешь? — Ухмыльнувшись в ответ, я изобразила на лице смесь скуки, хитрости и сексуального голода, облизала кончиком языка чуть приоткрытые губы, томно потянулась и вызывающе добавила: — На безрыбье и нищий студент сгодится. Да еще такой красавец, как твой Павел. Грешно пропустить такой случай.

Я верно ее раскусила. Она продолжала усмехаться, но черты лица затвердели. Горделиво скривив рот, она процедила:

— Ну так в чем же дело? Попробуй!

Я посмотрела ей прямо в глаза и от души расхохоталась, как будто услышала остроумную шутку.

— Чего смеешься? — Она и дальше играла свою роль.

Я взяла ее за руку и шепнула:

— Знаешь, Аленка, что мне вдруг пришло в голову? Интересно, как бы ты себя вела, если бы на моем месте стояла сейчас Катаржина? Так же уверенно?... А знаешь, я, пожалуй, расскажу ей об этом.

Не дожидаясь ответа, я резко развернулась и помчалась в избу. Настроение у меня улучшилось. Будет им о чем с Павличком поговорить. Теперь Алена от него не отойдет ни на шаг, а Катаржина даже во сне ей будет сниться. Ну а я — меня она сразу невзлюбила, так что ничего страшного.

Моя подковырка подействовала. Алена вообще перестала со мной разговаривать. Я знала, что сижу у нее в печенках и что она меня с удовольствием придушила бы, но зайти так далеко и попытаться свалить на меня убийство...

— Послушай, Мирка, ты это дело брось! Катаржина сказала, что ты ее подруга, и мы без разговоров приняли тебя в свою компанию.

Мирка саркастически засмеялась:

— Ах, ах, я сейчас расплачусь...

А я добавил:

— Не надо разводить демагогию, Алена.

— А кто первый начал? Я, что ли? — обиделась Алена. — Я хочу, чтобы она ответила на три вопроса. Зачем она приехала? Что ее связывало с Катаржиной? И почему обязательно хотела уехать тридцатого? Это ты называешь демагией?

— Ты что-то забыла про разговор в Гоницах в туалете, — устало произнесла Мирка. — О том, к кому приехала Катрин.

— Твои домыслы нас не интересуют, — мигом вмешался Борек. — Нам нужны факты.

— Ну, ладно, — уступила Мирка. — На Аленыны три вопроса ответить легче легкого. Я приехала, чтобы учиться кататься на лыжах. Катаржина была моя подруга, а уехать мы хотели, чтобы вместе провести Сильвестр.

— В Праге? — резко бросила Алена.

— Нет. В Прчицах.

— Катаржина хотела встретить Сильвестр дома, с родителями, про тебя она ничего не говорила, — заметил Павел. Алена с Борексом дружно кивнули, а Мирка пожалала плечами.

— Если вы все знаете лучше меня, тогда чего спрашиваете?

Против такой логики крыть было нечем, и мне наконец удалось вставить слово.

— Мируш, конечно, глупо с моей стороны уговаривать тебя, но почему бы тебе не сказать правду? Ты же сама все прекрасно понимаешь. Я не говорю, что ты как-то замешана в убийстве, но ведь ты знаешь о Катаржине гораздо больше нас. Я имею в виду ту сторону ее жизни, о которой мы и понятия не имели...

Я вел эту речь тихо, спокойно и как бы даже извиняясь, а тем временем взял Мирку за руку и легонько ее стиснул. Мирка пожалала мне руку в ответ, потом подняла на меня взгляд и чуть заметно улыбнулась.

— Знаешь, — произнесла она как-то рассеянно, — кое-что я, конечно, знаю. Все наверняка нет, но одно уж точно: Катаржина мне бы никогда не простила, если бы я здесь и сейчас все про нее выложила. Пусть она меня не услышит, это ничего не меняет. А что касается меня, то, думаю, будет гораздо лучше, если вы про нее от меня ничего не узнаете.

— Ты в этом уверена? — спросила Алена.

— Абсолютно, — решительно отрезала Мирка, сунула руку в карман, вынула пачку сигарет и зажигалку. Закурила и произнесла: — Извини, я совсем про них забыла... — И отдала мне пачку и зажигалку.

Павел молчал-молчал, смотрел-смотрел на нас и вдруг выпалил:

— Почему вы врете?

— Кто именно?

— Вы двое, кто же еще?

Мирка схватила меня за локоть.

— Не спорь с ним. Все равно от нашего следствия нет никакого толку, легавые сами во всем разберутся.

— Легавые? — повторила Алена. — Жаргоном ты владеешь свободно. Наверно, уже приходилось иметь дело с легавыми?

— Погоди, — прервал ее Павел и придвинулся к постели с моей стороны. — Послушай, Гонза. — Голос у него задрожал от волнения. — Мы с тобой знаем друг друга не со вчерашнего дня. Уже почти четыре года дружим и всегда были честны друг с другом. Я всегда считал тебя порядочным парнем, разве не глупо теперь друг друга обманывать?

— Согласен с тобой, Павел, — сказал я. — Но к чему ты это ведешь?

— Хочу тебе доказать, что или ты, или Мирка говорите неправду. Давай выйдем на улицу или в сени, если хочешь, поговорим наедине.

— Мне скрывать нечего. Говори здесь, при всех.

— Ладно. Тогда объясни мне, пожалуйста, зачем Мирка примерно в половине четвертого ушла из кухни в соседнюю комнату, и что в это время делал ты. Прежде чем ответить, как следует подумай.

Я недоуменно покачал головой.

— Что ты плетешь, парень? В полчетвертого Катаржина уже часа два как была мертва.

— Одна ложь тянет за собой другую, — заметил Павел. — Хочешь, я повторю твои собственные слова?

— Пожалуйста, если надо.

— Ты сказал примерно так: у нас кончились сигареты, и Мирка пошла за ними в соседнюю комнату. А ты тем временем оделся и отправился в уборную. Мирка стала искать сигареты впотьмах, но найти не сумела, зажгла свет и увидела убитую Катаржину. Она стала кричать, подняла на ноги всю избу, и мы с Аленой сбежали вниз. В сенях мы встретили тебя, ты как раз возвращался с улицы. Потом к нам присоединился Борек, Зузана еще спала, остальные были уже на ногах и ворвались в Катину комнату. Все верно?

— Все до мелочей, — подтвердил я, не соображая, к чему он ведет.

— Все верно? — обратился Павел с тем же вопросом к Мирке.

— Насчет сигарет верно, про остальное не знаю, — ответила она.

— Чудесно! — Павел сделал небольшую паузу, потом показал на пачку в моих руках. — У вас не было сигарет. Еще минуту назад не было, Борек вам их предложил. А что это такое?

— «Липы», — сообщила Мирка. — Именно «Липы». По две кроны за пачку. Свободно продаются на всей территории Чехо-Словакии.

— Значит, вы вралы, так? — победоносно подвел итог Павел, а я испуганно посмотрел на Мирку.

— Где они у тебя были? — с трудом выдавил я.

— В кармане,— безмятежно сообщила Мирка.— В кармане джинсов. Я сначала искала их в столике, в рюкзаке, а потом уже зажгла свет. Даже не подумала, что они в брюках. Тогда на мне были рейтузы, а там даже окурок некуда сунуть. Пан комиссар может сам в этом убедиться.— Она сунула руку под подушку и бросила вздрогнувшему от неожиданности Павлу смятые рейтузы.— Не волнуйся, Гонзичек,— похлопала она меня по руке,— тут никакая ложь не пройдет, пан Мегра живо сообразит, что к чему. Он же сам меня послал одеться. Так что все просто. Он только что уточнил, что ушла я от тебя в одной комбинации, а перед тем, как поднять всех на ноги, даже не подумала принарядиться, что, разумеется, свидетельствует о моем дурном вкусе и плохом воспитании. Короче говоря, мой моральный уровень чрезвычайно низок, и Алена права, когда говорит, что я хорошенькая стерва.

— Ради Бога, перестаньте,— взмолилась Зузана.— Ну что вы...

— Минуточку! — прервал ее Борек.— Все эти догадки ни к чему не приведут, это точно. Убийца не признается.— Он взглянул на часы.— Скоро пять. Через час начнет рассветать. Как только погода улучшится — не будет же мести вечно,— сразу же отправимся в деревню и сообщим в полицию. Поедут три лучших лыжника, остальные подождут здесь. Предлагаю, чтобы вниз поехали Гонза, Алена и я. Теперь давайте разойдемся по комнатам и встретимся снова, скажем, в семь. Пусть убийца все как следует обдумает. Обдумает и учтет, что добровольное признание в любом случае смягчает вину. Кто «за»?

Павел, Алена и Зузана почти одновременно закивали. Я произнес:

— Очень удачное предложение.

— Одна только Мирка ничего не сказала,— заметил Павел и положил на лавку ее рейтузы, которые все еще держал в руке.

Мирка подняла на него глаза.

— Извини, совсем забыла, что я из вашей компании.

— Все равно большинство «за»,— проговорила Алена и встала. Следом за нею Зузана.

— Большинство «за»,— повторила Мирка и горько улыбнулась.— Я воздержалась. Но пока все не разошлись, могу я сказать пару слов?

— Лучше прибереги их для легавых,— отрезал Борек.

— Погоди,— вмешался я.— Что ты хочешь сказать, Мирка?

— Да так, ерунду. Предложение в самом деле удачное...— Она на секунду умолкла, потом отчетливо закончила фразу:— Для убийцы. Мы все знаем, что отсюда два шага до границы с Западной Германией.

— У тебя слишком буйная фантазия,— осклабился Борек, повернулся к Мирке спиной и окликнул Зузану:— Пошли?

— Если не ошибаюсь, шантажисты готовы на все ради денег,— повысив голос, продолжала Мирка.— Тот, кто шантажировал Катаржину, хотел кое-чего другого, но раз уж он ее прикончил, значит, на что-то рассчитывает. Например, попробовать

удрать за границу, используя темноту и метель. Рискованно, конечно, но для хорошего лыжника и часа хватит, чтобы быть за границей. И с неплохим капиталцем в кармане. Марки, фунты, доллары — короче, твердая валюта. Катрин кое-что с собой привезла. Наверно, вполне достаточно. Рюкзак не выпускала из рук. Даже в автобусе его не оставляла.

— Верно, — подтвердил Павел. — В Гоницах брала его с собой в ресторан. Мы еще смеялись над ней.

— Еще бы! Перед Рождеством ей пришлось очистить свой тайник, чтобы туда случайно не заглянул один артист.

— Занимательная история, — сказала Алена. — Но есть у нее один недостаток: дело в том, что у Катаржины никогда не было ни долларов, ни марок. Одни только боны, которые твоему шантажисту за границей ни к чему.

— Ну, Аленка, — бросила ей свысока Мирка. — Ты только что сама говорила, что я знаю про Катаржину больше, чем все вы, вместе взятые. А теперь вдруг отказываешься это признать. С твоим-то образованием надо бы соображать получше.

Алена растерянно посмотрела на Павла, но Павел даже не заметил этого. Он стоял и удивленно разглядывал Мирку, которая встала, подошла к дверям и вызывающе прислонилась к ним, словно преграждая путь к отступлению.

Миркины слова бросили совершенно иной свет на убийство Катаржины, и я вдруг с ужасом осознал, что начинаю все понимать, что мне становится ясно, где познакомились Мирка и Катаржина, что общего было у таких несхожих девчонок, где был источник валютных поступлений Катаржины, что означали ее регулярные поездки «домой на уик-энд» и почему, а может, и куда она удрала из «Дельты» после встречи с подвыпившим немцем. Все это было невероятно, фантастично, непонятно и — вполне логично.

— Сколько у Кат было с собой валюты? — выдавил я. — И как, по-твоему, она ее достала?

— Сколько — трудно сказать. Но что не мелочь — это точно: у шантажистов запросы высокие. А как она ее достала? Не проще ли спросить того, кто ее шантажировал? Из-за кого Катрин поехала сюда против желания? Например, автора гениально придуманного плана разойтись по комнатам... у него-то информация гораздо точнее.

Она еще не закончила, как я уже стоял рядом с ней в полной готовности отразить любое нападение. Борек сжимал кулаки, Алена что-то слабо простонала, Павел точно прирос к полу, и тут вдруг раздался дрожащий, полный отчаяния голос Зузаны:

— Замолчи, Мирка, прошу тебя!

Но Мирка только пожала плечами.

— Мне вовсе не хочется причинять тебе боль, Зузанка, очень не хочется. Но твои приятели заставили меня рассказать все, что я знаю про Катаржину. Так что не обижайся.

— Нет, — пролепетала Зузана, — я не обижаюсь... Но зачем ты врешь? Зачем?..

И тут же заговорил Борек:

— Ах ты, стерва! Ты мне за это заплатишь!..

Я смотрел на нее как на привидение. Она ошеломила меня, выбила из колеи, так что я на секунду совершенно растерялся и сумел только стиснуть кулаки, выразив злость, ненависть и бессилие.

Ах ты, стерва!

Думаю, не только я, но и все остальные подумали так же. Мы все смотрели на Мирку сверху вниз, все видели в ней девку, сучку, шалаву. Впрочем, она этого и не скрывала: в отличие от Катаржины она вызывающе подчеркивала самые вульгарные стороны своей профессии, начиная от жаргона и кончая откровенно маниачными взглядами своих кошачьих глазниц, от грубоватой прямооты и нахальства до самой красивой груди, какую я когда-либо видел. То, что Катаржина сумела так долго и тщательно скрывать, было буднями Миркиной жизни, заметной частью ее существования, своего рода удостоверением личности.

Я раскусил ее в первое же мгновение и вместе с тем сообразил, что дело плохо, не зря она едет с Катаржиной, надо постоянно быть с нею настороже. На Штепана Катаржина телеграфным стилем успокоила меня: мол, не бойся, она и в самом деле приехала только покататься на лыжах. На другой день была уже откровеннее: «Как видно, они меня контролируют». А теперь она лежала мертвая, и уже не надо было придумывать разные хитрости и уловки. Это был конец, бесповоротный конец, конец всем надеждам. Мирка стояла на расстоянии полушага от меня, прислонившись к двери, точно кошка, подстерегающая добычу, дикая, взъерошенная, разъяренная кошка, и плела свою невероятную чушь, свою ужасную полуправду, против которой трудно что-нибудь возразить, потому что выглядит все очень логично. Но вместо фактов там одни догадки да трюки из самых дешевых детективов — рядом граница, метель и преступник, убийца и шантажист, уходящий в темноте с пачкой долларов в кармане... Проклятая стерва!

Почти так же я подумал и о Катаржине, почти те же слова промелькнули у меня в голове, когда однажды сообразил, что она временами «не та», какой кажется, совершенно иная, абсолютная противоположность той ангельски чистой девице, целомудренной и деликатной, тому незапятнанному идеалу, каким считала ее вся мужская часть факультета, не исключая и меня. Разумеется, я был в нее влюблен, тайно и безнадежно, как и многие другие ребята, во всяком случае, из нашей компании — Гонза, Павел, даже женатики Честа и Властик. Попросту говоря, платоническая любовь в самом прямом смысле слова.

А потом нагрязнуло разочарование. Неожиданно и внезапно, если использовать литературный штамп, как гром с ясного неба.

Двадцать второго октября в воскресенье у Зузаны был день рождения, и мне пришлось пообещать, что мы отпразднуем его вместе. Правда, у меня особого желания не было, я вообще начал ходить с ней скорее по недосмотру: пару раз заговорил, погладил, поцеловал, а она и влюбилась. Да еще самым глупей-

шим образом — беззащитно, так сказать, и теперь уже было не так-то легко от нее отделаться. Она была слишком милая и порядочная, чтобы сказать ей о своем равнодушии, и слишком наивная и доверчивая, чтобы самой догадаться о моем к ней отношении, больше того, чем безразличнее я относился к ней, тем нежнее и привязчивее становилась она. Короче говоря, праздновали в восемь вечера в комнате Зузаны, я купил пару гвоздик и отправился на женскую половину в спортивных штанах и свитере, рассчитывая дать деру при первом же удобном случае.

Она ожидала меня, наряженная словно в театр или на концерт, в темном вечернем платье и модных туфлях, причесанная, накрашенная и встревоженная.

— Ты только не сердись, пожалуйста,— встретила она меня,— но придется тебе минут десять подождать, ровно в восемь мне должна позвонить тетя... А в общежитии, как нарочно, ни один телефон не работает, надо идти на почту... Подождешь?

— Ну конечно,— ответил я,— поторапливайся...— И помог ей надеть пальто.

— Выпивка на столе, налей себе, если хочешь. И погляди, что мне подарила Катаржина,— сказала она и показала на стол, где рядом с бутылкой баккарди и двумя рюмками лежал небольшой пакетик, судя по всему, женское белье; впрочем, об этом свидетельствовала и длинноногая завлекательная девица, изображенная на целлофановой обертке.— Через двадцать минут вернись! — крикнула Зузана уже в дверях, потом в коридоре застучали ее каблуки, и я остался один.

Я вынул из бумаги гвоздики, сунул их в баночку от горчицы, сел на постель, закурил сигарету и от нечего делать взял пакетик. В нем была комбинация или ночная рубашка, я не очень-то разглядывал, вытащил только уголок лилового нейлона с черной каемкой и снова запихнул обратно, потом разобрал название фирмы, надпись «Made in Germany» и четырежды отпечатанную цену: в марках, французских и бельгийских франках и голландских гульденах. Мне пришло в голову, что Катаржина, как видно, опять получила «поздравление» от дядюшки и накупила всякой всячины. Собираясь положить пакетик на стол, я вдруг заметил маленький блокнотик в элегантной кожаной оправе, очень изящную вещицу. Взял его в руки и стал просматривать. Все не из любопытства, просто подумал сначала, что это тоже подарок Катаржины, а Зузана сама разрешила мне все посмотреть. Меня удивило, что в блокнотике уже есть записи — какие-то сокращенные слова и цифры. Я машинально просмотрел их и ничего не понял.

13.1 ВГ 200 м (свитер, гал. + 6 x пейл.)

17.1 Берг 300 кр. (20 \$)

18.1 Берг 300 кр.

3.2. АГ 25 £

11.2 ВГ 200 м (отл. круж. пл.)

17.2 АМ 20 £

20.2 Берг 300 кр. (20 \$)

И т.д. Тут я сообразил, что у меня в руках Катаржинин

блокнот, узнал ее аккуратный прямой почерк. Но о чем идет речь, что все эти сокращения и цифры означают, до меня пока не дошло. Но на следующей странице... Там были летние числа, точнее — август прошлого года, а над ними печатными буквами обозначено: ЮГ.

17.8 Мисс Яд. 2000 дин.

18.8 — 150 \$ (!)

19.8 ИЛ 150 фр. (адр.)

20.8 МР 200 м

21.8 — 2000 \$ (!!!)

И еще трижды по сто пятьдесят долларов, ежедневно вплоть до 26.8, а также еще раз 300 марок, один восклицательный знак и пометка — МР, адр.

Адреса были в конце; я дрожащими пальцами отыскал букву «М», где значился адрес некоего А. Мунцера: «Манесова, 24, Прага, 6, тел. 268-42-67». Перевернув еще несколько страниц, нашел букву «Р», где Катаржина пометила два адреса: «Карл Рейснер, Вильгельмштрассе, 11, Нюрнберг — Ш. Мартин Рихтер, Банхофштрассе, 43, Франкфурт-н-М. (Юг.)», — и тут меня наконец осенило. Меня даже затрясло, руки дрожали, как у столетнего старика, я глубоко затянулся сигаретой, которая давно уже погасла, снова зажег ее, выпустил дым и вместе с ним негромкое, но от души:

— Ах, ты, стерва!

Налил себе рюмку баккарди и тут же выпил ее одним духом.

Катаржина — тузексовая красotka. Приблуда, экспортная девка, валютная проститутка. Так бывает, когда разрезаешь красивое яблоко, но вместо чистой здоровой мякоти видишь гнилую кашлицу, а в центре ее — отвратительного червяка. Долларовая стерва аккуратно вела свою бухгалтерию. За три квартала почти пятьдесят записей, сорок семь, если уж быть точным, а оплата — в валюте почти всех стран Европы и мира: здесь и английские фунты, и американские доллары, и западногерманские марки, австрийские шиллинги, югославские динары, швейцарские и французские франки, голландские гульдены, а также тузексовые боны и кроны — это обычно с припиской «Берт», но в скобках снова валюта, хотя и гораздо меньшими суммами... Меня даже замутило, я налил себе еще рюмку баккарди... Деликатная, очаровательная Катаржина, насчет которой мы с ребятами никак не могли догадаться, девушка она или уже нет, недостижимая «мисс», которая никогда ни с одним из нас не дружила, — у нее, оказывается, есть собственный пастух, подбирающий ей клиентов и выплачивающий установленную ставку, которая часто бывает гораздо ниже, чем даже двузначная цифра в скобках, наверняка «чаевые», которые суют за лифчик, в чулок или скрытно кладут на стол или под подушку... «Besten Dank, mein Lieber, thank you, my darling, mersi, cherie...»¹ О Господи, спаси и сохрани нас, аминь!

Зузана вернулась через пятнадцать минут, стук ее каблучков

¹ Огромное спасибо, моя любимая, спасибо, дорогая (нем., англ. и франц.).

я услышал перед самой дверью, так что еще успел сунуть Катаржинин блокнот под свитер.

Баккарди мы выпили меньше чем через час, оба крепко захмелели, и я остался у нее далеко за полночь, впервые как муж и любовник. Мне было совестно перед самим собой, ведь она мне не нравилась, я не хотел ее, ничего к ней не чувствовал, так бывает только у животных, но иначе не получалось, я держал ее в объятиях, целовал и тискал и, овладевая ее страстным, разгоряченным телом, чужим и страшно далеким, обнимал и целовал... Катаржину...

Кому она сейчас согревает постель?.. И за сколько?..

Блокнотик я унес с собой, Зузана, как видно, ничего о нем не знала, Катаржина скорее всего забыла его на столе или случайно вынула из сумочки вместе с подарком для Зузаны.

Той же ночью я тщательно его просмотрел, даже не просмотрел, а проштудировал — каждое слово, каждую букву и цифру. Из одиннадцати адресов только два были пражские, один — человека по имени А. Мунцер, второй — без имени. У Мунцера был указан и телефон.

Спать я не мог. Уже в половине восьмого утра стоял в телефонной будке около общежития и дрожащими пальцами перелистывал толстенную пражскую телефонную книгу. Имени Мунцера там не было. Были только Мунцары, но не А., первый был Богумил, а за ним еще человек двадцать. Ну, не беда. Я сунул в автомат двадцать пять галлеров и набрал номер 268-42-67. В наушнике шелкнуло, и послышался женский голос: «Это Седлачкова, слушаю вас». Я чуть было не ответил: «Простите, ошибка», — но вовремя опомнился, поздоровался и торопливо проговорил:

— Уважаемая пани, извините, что беспокою, но мне хотелось бы поговорить с паном Мунцером.

— К сожалению, — ответила она, — он уехал на машине в Карловы Вары.

— В Вары? — переспросил я домработницу или хозяйку квартиры, лихорадочно придумывая, что бы еще спросить, прежде чем попрощаться и повесить трубку. Наконец решил зацепиться за машину.

— У пана Мунцера «кортинга», правда? — брякнул я наобум.

— Нет, — услышал в ответ, — у него «форд таунус».

— Тогда это, наверно, ошибка, — довольно удачно изобразил я сожаление. — Но раз уж побеспокоил вас, спрошу еще для верности... Он работает в министерстве финансов?

— Нет-нет! Пан Мунцер — иностранец, египтянин, учится в Высшей школе экономики, — сказала она, а я извинился, поблагодарил и с силой бросил трубку на вилку.

Египтянин. Еще один мешок с валютой. Да еще и студент. Чем, интересно, занимается его папаша, сколько феллахов на него вкальвают, чтобы его сыночек, Ахмет или Абдулла, мог платить за ночь любви по двадцать пять фунтов и выезжать, возможно, даже с Катаржиной, на уик-энд в Карловы Вары? Я вспомнил, что в пятницу на последней лекции встречался с Катаржиной, она еще оставила в гардеробе маленький чемо-

данчик. Наверно, с вечерним платьем или с курортными нарядами.

Возвращаясь медленным шагом в общежитие, я вдруг осознал, как люблю Катаржину, и одновременно сообразил, что теперь она полностью в моей власти, что эти «бухгалтерские записи» могут стоить ей очень дорого, что они не только лишают ее ореола недосыгаемости, но и отдают ее мне в руки со всеми потрохами.

С этой минуты я начал жить в каком-то экстазе, в состоянии извращенной любви и отчаянной ненависти. Но сначала я был в растерянности, не зная, что сделать с блокнотом. Я еще раз перечитал каждую запись, даже прикинул Катаржинины доходы. Только в бундесмарках она заработала примерно столько же, сколько получает квалифицированный рабочий, скажем, «фольксвагена» за полгода... Впрочем, разве можно сравнивать квалифицированного рабочего автомобильной промышленности с квалифицированной международной курвой? Сколько Катаржина «заработала» на титуле «мисс Ядран» в Югославии, у меня не хватило духу сосчитать. Ночь за ночью, из рук в руки, из постели в постель... Потому-то она и взбесилась так из-за фотографии в «Кветях». Победа очаровательной пражской студентки!.. О том, что она получила за это две тысячи динаров, написать забыли.

Вечером ко мне зашла Зузана. Спросила, не заметил ли я вчера какого-то кожаного блокнотика, Катаржина все вверх дном из-за него перевернула.

— Катаржина? — удивился я. — Да ведь она домой уехала, разве нет?

— Нет, — ответила Зузана. — Она была у тети и вернулась в общежитие после обеда. Мы с нею всю комнату обшарили...

— Выходит, я у нее украл этот блокнот, — набросился я на Зузану.

Она чуть не разревелась, а я разозлился не на шутку. Потом повторилась предыдущая ночь. Мы очутились в постели, и я снова любил Катаржину — дико, страстно, с ненавистью.

На следующее утро я одолжил у Павла план Праги, отыскал второй адрес и вечером отправился туда. На Малой Стране под номером 16 стоял большой жилой дом, серое угловое здание с черепичной крышей и шестигранной башенкой, нависающей над тротуаром. Почти час я слонялся вокруг этого дома, а потом вернулся в общежитие. Прямо с вахты отправился к Зузане. В комнате застал и Катаржину. Она лежала на постели в домашнем индейском наряде, в кожаных штанах и такой же куртке, с бахромой на штанинах, рукавах и подоле. Зузана сидела за столом, обе держали развернутые конспекты.

— Привет! — поздоровался я, удивленно покачал головой и спросил Катаржину: — Послушай, подруга, что это у тебя за одежка такая?

Она засмеялась.

— А что, не нравится?

— Последний крик моды, — провозгласил я. — Дядюшка?

Не моргнув глазом она кивнула.

— Везет же людям! А, Зузана? — заметил я и уселся на стул возле Катаржины. Зузана, застигнутая врасплох моим неожиданным и довольно поздним визитом, смотрела на меня счастливыми глазами, а королева Ядрана только слегка скривилась рот, словно хотела сказать: «Брось ты этого дядюшку, надоело мне о нем рассказывать!»

Однако я не обратил на это внимания и разобрал его по косточкам. Близкая ли это родня (мамин двоюродный брат), чем занимается (зубной врач), много ли зарабатывает (пожатие плеч), когда уехал в США (еще до войны, в тридцать восьмом), в каком штате живет (в Калифорнии), в каком городе, чуть не крикнул я, но она даже не дрогнула и назвала Лос-Анджелес.

Я умолк, мне не удавалось избавиться от впечатления, что все эти расспросы сильно забавляют Катаржину. Примерно через полчаса она поднялась, взяла полотенце, зубную щетку, пасту и удалилась в туалетную. Едва за нею закрылась дверь, Зузана уселась мне на колени и обхватила шею руками.

— Борек, Катаржина едет завтра к тете. Останется там на ночь. Ты придешь?

У меня вдруг заколотилось сердце.

— К тете? А когда?

— Скорее всего сразу после занятий.

— Завтра у нас до пяти семинар, еще договоримся... Да, — словно бы мимоходом поинтересовался я, — Катин блокнот уже нашелся?

Зузана слегка нахмурилась.

— Не знаю. Она больше о нем не говорила.

Я тут же ушел, не дожидаясь Катаржины, и решил дождаться ее на следующий день. Когда в начале шестого она села возле института в трамвай, то, конечно же, не подозревала, что сквозь дырочку в развернутой «Вечерней Праге» я слежу за каждым ее движением. После четвертой остановки она стала пробираться к выходу. Я выскочил, не дожидаясь, пока трамвай затормозит, и с тротуара наблюдал, как она выходит, смотрит на часы и ждет следующего трамвая. Дальше события развивались так, как я и предполагал. Минут через пятнадцать она вышла на Мало-Странской площади. Я следовал за нею поодаль, но с таким же успехом мог и обогнать ее, потому что уже твердо знал, куда она идет. Тетя обитала именно в том доме, который я вчера так тщательно обследовал. А еще точнее — в башенке. Это архитектурное излишество имело отдельный вход с боковой улочки. Спустя минуту после того, как там исчезла Катаржина, в угловом окошке появился свет.

Я медленно пересек мостовую. Что дальше? Подождать, пока придет «клиент», и убраться восвояси или же обратиться к нему. Набить этому паршивцу морду или подняться наверх, следом за Катаржиной, и заявить, что ее «дневник любви» у меня, и...

И?... И что?..

Пару минут я прикидывал, какой вариант выбрать, и наконец остановился на последнем, рассчитанном на импровизацию, с вопросительным знаком в конце. Я взялся за ручку тяжелых

дверей башенки, медленно и осторожно нажал на нее. Дверь отворилась, я переступил через порог, и меня словно проглотило таинственное чудовище. Откуда-то сверху, из-за изгиба винтовой лестницы, на сырые каменные ступени падал тусклый желтоватый свет, у меня даже дыхание перехватило, такую мрачную картину я увидеть не ожидал и почувствовал даже некоторое уважение к Катаржине. Как она не боится сюда заходить?.. Но, припомнив цифры из ее «бухгалтерии» со значками «m», «\$», «£» и т.п., усмехнулся, представляя себе «господ клиентов». Наверно, Катаржина берет с них надбавку за романтику и таинственность.

Шаг за шагом я поднимался вверх. Примерно через пятнадцать ступенек в стене обнаружилась ниша с окном, вернее, окошечком, а еще точнее — бойницей, а над ним, в изящном фонаре, горела слабенькая лампочка в виде свечки, подключенная, видимо, к батарее. С фонаря свисала коротенькая цепочка, я легонько потянул за нее, и лампочка погасла, я потянул снова — она снова загорелась; удобное приспособление, которое повторялось через каждые пятнадцать ступенек. Те четыре светильника скупо освещали всю лестницу, отбрасывая по сторонам кошмарные тени и позволяя посетителям забраться наверх, не ломая костей или хотя бы не разбивая носов. Последний фонарь бросал свет на небольшую, обитую кожей дверь с массивной ручкой, явно изготовленной тем же мастером, что и фонари. На секунду я заколебался, но потом осторожно нажал на ручку. Дверь подалась, и я очутился в шестиугольной комнате, оборудованной под прихожую. От неожиданности я вздрогнул и инстинктивно закрыл лицо руками при виде угрожающей фигуры, стоящей между дверями и кованой решеткой изящной вешалки. Наконец я сообразил, что это не какое-то загадочное чудовище и не замаскированный сутенер Берг, а всего лишь латы, настоящие, неподдельные латы. С чувством облегчения я ступил на клетчатый половик, посмотрел на почерневшие брусья потолка и резко и отчетливо постучался. Изнутри раздался мелодичный голос Катаржины, говорившей по-немецки:

— Augenblick, bitte, ich gehe schon¹.

Я стал считать эти «аугенблики», насчитал их одиннадцать, и тут в открытых дверях возникла Катаржина. Элегантное золотисто-черное платье с блестящим шитьем, длинные золотистые волосы зачесаны на левое плечо, на обнаженной шее — цепочка с крестиком из чешских гранатов, на ногах — туфельки из настоящей крокодильей кожи (полученные от ВГ в дополнение к 200 м. в апреле этого года). Она смотрела на меня испуганными глазами подстреленного олененка, губы скривились в непритворном ужасе, она мгновенно побелела и стала похожа на восковые фигуры в славном паноптикуме мадам Тюссо.

— Guten Abend, mein Liebe. Entschuldigen Sie, bitte, wenn ich störe², — весело произнес я, слегка отстранив ее с дороги, прошел

¹ Мгновение, прошу вас, я уже иду (нем.).

² Добрый вечер, моя любовь. Извините меня, пожалуйста, если я мешаю (нем.).

внутри и закрыл за собою дверь. Помещение, открывшееся передо мною, было превосходно оборудовано для проживания, отдыха и... проституции. Когда-то здесь, очевидно, ночевали привратники или караульные, дух столетий витал над стенами, украшенными фонарями и карнизами.

— Милая квартирка, это тебе устроил дядюшка из Калифорнии? — небрежно спросил я и огляделся.

Обстановка здесь была довольно пестрая: старинный темный комод и элегантные кресла с асимметричным курительным столиком, мягкий, черный с серым, ковер и удобный широкий диван, на стенах — современные картины, а под ними — выдавшая виды полка с книгами и оловянными кружками, словом, с бору по сосенке. В целом Катаржина «кабинет» выглядел не только уютным и комфортабельным, но и гармоничным, весь этот стилевой разнобой был подобран так умело, что излучал согласие и покой.

Я нахально устроился в одном из клубных кресел, стоящих возле имитации английского камина.

— Уж извини, что говорю по-чешски, — фамильярно бросил я. — Ты, как понимаю, настроилась на немецкий, но при желании мы сумеем договориться.

На столике стояла початая бутылка «Хеннесси» и две огромные кружки. Я налил себе одну из них, поднял ее в направлении окаменевшей мисс Ядран и произнес благожелательным тоном:

— За здоровье самой красивой и самой дорогой из всех туземных и заграничных девок! *Girls of all countries, united!*¹

И выпил.

Наконец она зашевелилась. Ступила два шажка, и с ее подкрашенных в розовый цвет губ сорвались два слова:

— Чего хочешь?

Я засмеялся.

— Погоди, погоди... «Чего хочешь?» — это что, такой разговорный оборот? *Was willst du?* Пфуй, *das ist unerhört. Ich kann mich nicht genug wandern. Schämen Sie sich, Katherine!*²

— Чего хочешь? — повторила она и сделала еще два шажка, а ее правая рука вдруг дернулась и прикрыла шею. Движение показалось мне таким искусственным, мертвым, что я снова представил себе паноптикум, но теперь уже в деталях — с Наполеоном, Цезарем, Александром Македонским и мадам Помпадур, а самое привлекательное — фигура с подвижными бедрами и зеркалом вместо лица. Между тем Катаржина в третий раз произнесла все те же два кратких слова.

Я пожал плечами.

— Ну что я могу сказать? По-моему, слово за тобой.

Наконец-то она снова превратилась в живое существо. Показала головой, пригнулась к креслу и произнесла:

— Ты украл мой блокнот, я знаю.

¹ Девицы всех стран, соединяйтесь! (неправ. англ.)

² Что ты хочешь? Пфуй, это неслыханно. Не могу не удивиться. Стыдитесь, Катерина! (нем.)

— Именно так,— согласился я,— украл. Спасибо, что выбрала подходящее выражение. Одно свинство стоит другого. Значит, нам теперь будет легче разговаривать. Я вор, а ты курва, если уж выражаться точно. Но это по форме, а по содержанию — величины несравнимые.

Эти циничные фразы срывались у меня с языка удивительно гладко, но при этом я чувствовал себя как-то странно: точно все происходило не наяву, а во сне. Неужели я и в самом деле разговариваю так с недостижимой, божественной Катаржиной?..

— Я так и думала, что ты придешь,— чужим, бесцветным голосом произнесла она,— что мы как-то столкнемся.

Я чуть заметно поклонился.

— Ты очень предусмотрительная и умная девица. Впрочем, я никогда не сомневался в твоих талантах. Но то, что у тебя есть и другие, более практичные способности... Извини, человек не может знать все.

— Я тебя понимаю,— твердо и холодно заявила она.— Итак, сколько?

Смысл вопроса дошел до меня только тогда, когда она повернулась к столику, взяла сумочку (из кожи американского бизона, если я правильно расшифровал сокращение «сум. ам. биз.», приписанное в блокноте следом за инициалами ВГ и стандартной суммой 200 м. в июне) и многозначительно щелкнула патентованным замочком. Меня охватила внезапная ярость. Откинувшись на спинку кресла, я еле-еле удержался, чтобы не хватить Катаржину по голове одной из стоящих на столике кружек.

— Сколько? — повторила она, уже с нетерпением.— Сто пятьдесят долларов хватит?

Я поднялся с кресла и встал напротив нее, наши взгляды встретились, мы смотрели друг другу в глаза так твердо и напряженно, что, если бы один из нас отклонился назад, второй, наверно, упал бы.

— Ты представляешь себе, что такое сто пятьдесят долларов, если перевести их в тузексовые боны? Ну, скажем, отрез английской шерсти на пять мужских костюмов...

— Может, добавишь еще пять кусков на пошив? — прервал я.

— Пять тысяч крон?.. — пробормотала она.— Это... ты серьезно?..

— Нет,— хрипло вырвалось у меня,— конечно, нет. Но вот это очень серьезно...

Я размахнулся и ударил ее изо всех сил. Физиономия Катаржины в буквальном смысле сплющилась, голова взвилась, точно мяч после углового удара, и отскочила на светло-серый пружинистый диван. Не успела Катаржина опомниться, как я набросился на нее, схватил за волосы и грубо встряхнул.

— Ты соображаешь, что говоришь, стерва?.. Думаешь, я такой же подонок, как и ты?..

Я ощущал, как ее волосы трещат у меня в кулаке, она корчилась от боли, но я не сомневался, что мне гораздо больнее,

потому что за нею, за этой болью, стояла невыносимая, смертельная обида.

— Ради Бога, прошу тебя... — выдохнула она, в ее манящих, по-детски невинных темно-карих глазах стояли слезы. — Борек!..

Больше она ничего не успела сказать, потому что я приподнял ее, изо всех сил прижал к себе и отчаянно поцеловал. И сразу же оттолкнул. Она рухнула на диван точно подкошенная.

— Я люблю тебя, люблю! — закричал я, совершенно теряя голову, и голос у меня дрожал и ломался, срываясь чуть ли не на визг. — Я тебя люблю, если ты вообще можешь себе представить, что это значит, если у тебя осталась хоть частичка сердца... А ты... Сто пятьдесят долларов... И готова еще торговаться... Да я лучше убью тебя... Убью!

И вдруг я отключился, меня охватила такая страшная усталость, что я потерял дар речи, обессилел и уже не мог сообразить, зачем, собственно говоря, я за нею ходил, что тут делаю. Я сам себе казался глупым, убогим, а главное, бессмысленным, как побитый Дон Кихот, чья смешная фигура на тощей кобылке, вырезанная из дерева, торчала на полочке над камином. О какой чести, гордости и морали можно говорить там, где в расчет берутся только деньги, где каждый поцелуй, каждое ласковое прикосновение порождаются не чувством, а другими, куда более материальными причинами.

Катаржина лежала на диване, лицо закрыто вспутанной гривой светло-золотистых волос, тело странно изогнуто, ладони крепко прижаты к ребрам, узкая юбка задрана чуть ли не до пояса. Возле дивана валялась одна туфля из крокодиловой кожи, я со злостью пихнул ее, так что она отлетела к дверям. Подошел к столику, налил себе в кружку золотистого «Хеннеси», приготовленного для очередного клиента, и приказал:

— Вставай!

Очень медленно, осторожно она подняла голову, опираясь на локти, согнула ноги и спустила их на пол, потом выпрямила стан и привычным движением руки откинула назад волосы, но тут же опустила руку на диван и всем весом налегла на нее. Но не встала.

Я подал ей кружку, она молча взяла ее и немного отпила. Потом поднялась, поставила кружку на столик, провела руками по телу, оправляя платье, и произнесла:

— Ты мне никогда не говорил...

— Меня еще никто в жизни так не обманывал.

Она механически кивнула.

— Понимаю...

— Ничего ты не понимаешь! Ничего ты не можешь понять!..

— Я думала, тебе нравится Зузана.

— «Твое лицо мне снится, точно сказка, мне лишь твоя нужна на свете ласка...» — не слишком кстати вспомнилась мне оперная ария. — И вдруг оказывается, что это лицо принадлежит стерве... Ты все еще считаешь, что понимаешь меня?..

Она ничего не сказала. Подошла к дверям и надела туфлю. Потом пригладила волосы и кончиками пальцев прикоснулась

к левой, кроваво-красной щеке. Если глаза меня не подводили, скула начала припухать. Наконец она произнесла:

- Что сделаешь с моим блокнотом?
- Не знаю,— ответил я.
- Не вернешь его... за любую цену?

Она почувствовала двусмысленность вопроса и тут же добавила:

- Нет, я не говорю о деньгах, но...

Ей удалось страдальчески склонить голову и потупить глаза, и вот уже передо мною стояла прежняя Катаржина, удивительно прекрасное, манящее создание, несмотря на опухшую щеку, взлохмаченные волосы и размазанный слезами макияж. Еще минута — и я упаду к ее ногам, пронеслось у меня в голове.

- Но?..— повторил я твердым голосом.

— Ты сказал, что любишь меня,— прошептала она еле слышно.

— Да,— подтвердил я,— но это вовсе не значит, что я хочу с тобой переспать.— Честно говоря, мне страшно этого хотелось, но не при таких унижительных обстоятельствах.— В общем, мы вернулись на круги своя. Одна ночь по югославской таксе приравнивается к ста пятидесяти долларам? Не так уж и много, правда?

Она не успела ответить, раздался энергичный стук в дверь.

— Прощу тебя, Борек,— прошептала она, и красное пятно на щеке запылало огнем. Она снова прикоснулась к нему кончиками пальцев.

236 — Придется тебе подкраситься и припудриться, иначе он устроит скандал,— иронически заметил я. И добавил после паузы: — Чего молчишь? Мне, что ли крикнуть «herein»¹?

— Завтра, Борек, завтра я тебе все объясню,— вполголоса проговорила Катаржина, сделала глубокий вдох и, когда снова раздался стук, произнесла глухим, бесцветным голосом еле слышное: — Войдите...

В комнату вошел мужчина лет пятидесяти, бочонок пива в элегантном наряде, с большим кожаным портфелем в одной руке и свернутым плащом в другой. Едва переступив порог, он замер в нерешительности. Движением бровей она просигнализировала ему, чтобы сохранял спокойствие, деланно улыбнулась и сказала:

— Es freut mich Sie zu sehen. Bitte, wollen Sie weiter und nehmen Sie Platz.— Свои слова она сопроводила грациозным жестом и пояснила: — Verzeihen Sie, mein Herr. Nur eine Minute².

Валютный гость подошел к курительному столику, положил на него портфель и плащ. Тем временем Катаржина повернулась ко мне и сказала:

— На коленях тебя прошу, уйди. Завтра приду к тебе, клянусь...

¹ Войдите (нем.).

² Рада вас видеть. Проходите, пожалуйста, и садитесь. Простите, мой господин. Одну минутку (нем.).

Обе фразы она произнесла таким тоном, словно втолковывала мне, что я перепутал двери, и пан, которого я ищу, живет в соседнем доме.

Я изысканно поклонился ей и таким же ровным голосом произнес:

— Извините, что побеспокоил вас, уважаемая. С нетерпением жду новой встречи. И не забудьте припудриться, подкраситься и причесаться.

Небрежно кивнув ей и подарив извиняющуюся улыбку пивному бочонку, я выскочил из комнаты.

Это был, очевидно, знаток местных обычаев и постоянный клиент. Скорее всего ВГ — 200 марок плюс натуральная доплата. Фонари за собою он погасил.

На следующий день Катаржина появилась только на последней предобеденной лекции. Мы столкнулись в коридоре. Левая щека у нее отливала легкой синевой.

— Где мы можем встретиться? — деловито спросила она.

— Наверно, там же, где и вчера. Я без ума от таких уютных уголков.

Она даже глазом не моргнула.

— Хорошо, а когда?

— Я освобожусь только к вечеру.

— В шесть?

— Ну, скажем, в шесть.

— И прошу тебя: никому ни слова.

— Не робей, — успокоил я ее. — Все останется между нами.

И осталось. Все осталось между нами и ее клиентами. Она избавилась от них одним махом. Даже от Берта.

Таинственный Берт, чье имя чаще других мелькало в блокноте Катаржины, оказался метрдотелем в гостинице «Метрополь». Был он чем-то средним между пастухом и менеджером торговли девками. К нему сходились все нити, он распоряжался всем, начиная от ключей к свободным квартирам и забронированным номерам и кончая адресами щедрых заграничных и местных клиентов, списком и телефонами готовых к услугам красоток.

— Если бы все обнаружилось, меня бы определенно ждала тюрьма. Но это исключено, я бы покончила с собой.

Она произнесла фразу ровным голосом, без всякого пафоса, и я поверил ей. Мы сидели в ее башенном будуаре, пили «мартини» (не «Хеннесси» и не из кружек). Чтобы ничем не напомнить мне о вчерашнем, она сделала другую прическу и надела иной наряд: вместо черного, с золотым шитьем, платья — синий костюм, а вместо крокодиловых туфель — лакированные лодочки с пряжкой. Правда, синяк на щеке остался, тщательно закрашенный, но заметный.

Было еще одно, что я хотел узнать.

— Зачем ты это делала?

Она ответила не сразу, только чуть заметно скривила губы и перевела взгляд на стену, где над полочкой с оловянными кружками висело большое полотно, изображающее лежащую девицу с водопадом распущенных волос. Хотя автор не придер-

живался фотореалистической манеры, нетрудно было угадать, кто послужил ему моделью.

— Чего молчишь? — проговорил я, когда тишина стала слишком долгой и гнетущей. — Давай называть вещи своими именами. Деньги не пахнут, верно?

— Ах нет, не говори так, — вздохнула Катаржина и энергично завертела головой. Потом отвела взгляд от портрета и неожиданно спросила: — Тебе здесь нравится?

— Очень! — ответил я. — А почему ты спрашиваешь?

— Интерьер продумал один художник, ему и квартира принадлежит... То есть у него ордер на квадратные метры, но все остальное тут — мое, от ковра до картин на стенах. — Она махнула рукой в направлении своего портрета. — Это я получила в подарок к своему двадцатилетию. Его тоже рисовал он. Имя тебе ничего не скажет, в искусстве он пока что не очень большая фигура, так что лучше обойтись без имен. Но я в него влюбилась...

Она потянулась к коробке, где лежали американские сигареты.

— Я редко курю, только когда расстроюсь, а про него не могу вспоминать без волнения. — Нервно стряхнув пепел, Катаржина горько улыбнулась: — История вполне банальная, но я всегда реву, когда...

— Послушай, — прервал я, — я ни о чем тебя не спрашивал.

Катаржина снова завертела головой.

— Нет уж, я хочу все объяснить. — Протянув руку, она на миг сжала мне запястье. — Не волнуйся, в детали вдаваться не стану. Я была обычной влюбленной, и в девушку меня превратили французские масляные краски. Они были ему нужны, купить их можно только на валюту, вот я для него и постаралась. А потом швырнула их ему в лицо. — Она раздавила в пепельнице едва начатую сигарету, и глаза ее лихорадочно заблестели. — Он расхохотался как сумасшедший и заявил, что не стоит так переживать, потому что физическая ревность — это буржуазный предрассудок... — Она медленно обвела взглядом свое комфортабельное жилище. — Раньше здесь были только паутина, холод собачий, два мольберта и скрипучая кушетка... А потом он нарисовал этот портрет. — Она проглотила слюну и грустно добавила: — Так что ты прав: все началось из-за денег, ну, а дальше — обычная инерция. Катиться с горы всегда легче.

Я погладил ей руку, она в ответ улыбнулась.

«Мартини» действовал безотказно. Он таял на языке и небе, согревал желудок, туманил голову. Мы лежали рядышком, было темно и тихо, и я потихоньку смирялся с мыслью, что до конца года она не может порвать с Бертом и все пока останется по-старому, если даже мне хочется иметь ее всегда и только для себя.

— К тому же у него есть мои фотографии, — едва слышно произнесла она в темноте.

— Порнографические, что ли?

— Нет, что ты! Но все равно: мне придется выкупить негативы. А он за них наверняка запросит кругленькую сумму. Ко-

какие деньги у меня еще есть, вот и сегодня продала валюту, но не так уж и много, почти все я вложила в эту обстановку... Но тысяч восемь еще наскребу.

У меня даже дух захватило. Восемь тысяч! Если после окончания учебы буду зарабатывать восемь тысяч за полгода, буду доволен.

— И все-таки,— продолжала Катаржина,— страшнее Берта и негативов знаешь кто? Зузана! Из-за тебя.

Я засмеялся:

— Это ерунда! Пятиминутное дело!

— Нет,— она обняла меня за шею,— она не должна догадаться, что ты бросаешь ее из-за меня. Мы с ней подруги, и я не хочу ее обижать. Потерпи до Нового года, Борек. Как раз и с Бертом будет покончено. Ну, пожалуйста...

Из башни мы ушли около полуночи. Я бы не против там остаться хоть на неделю, но Катаржина меня упростила. Дескать, Зузана может что-то заподозрить.

Чтоб ее черти побрали, эту Зузану! Ну и дурак же я, что с нею связался!

Несмотря на просьбу Катаржины и мое вынужденное согласие, все могло сорваться уже через пару дней, в первое воскресенье ноября, когда мы встретились с Катаржиной у нее в комнате. Зузана уехала домой и собиралась вернуться только в понедельник утром, но неожиданно приехала ночью и стала ломиться к нам. Я лежал совсем голый рядом с Катаржиной и, когда раздался стук ключа в замочной скважине, даже обрадовался. Две-три неприятных минуты — и дело с концом! Но Катаржина не желала слышать о неприятностях. Она увела ничего не подозревающую Зузану в туалетную, а я тем временем удрал. Когда на другой день она мне рассказала, какой спектакль разыграла, я чуть не умер со смеху.

Еще один спектакль мы сыграли с египтянином Мунцером. Вместо Катаржины он обнаружил в башенке меня и вышел оттуда мокрый как мышь. Достаточно было показать ему карточку с гербом, засунутую в обложку от проездного билета, которую я предъявил вместо «удостоверения». Он прикинулся, что по-чешски ни бум-бум, только, мол, по-английски или по-французски, а когда я надел на него с более-менее приличным английским, он выдал себя за любителя старины, а башню, дескать, он посчитал историческим памятником. На следующее утро Катаржина позвонила ему и сказала, что, как ей кажется, за нею следят. Он, разумеется, говорил с нею по-чешски, но ничего вразумительного не сообщил и быстренько повесил трубку.

Одного из лучших «клиентов» Катаржина с легким сердцем списала. С другим покончила через пару дней, во время устроенной Гонзой вечеринки в «Дельте». Это был бизнесмен ВГ из Мюнхена, с которым я столкнулся, когда первый раз нагрянул в башню. Примерно с неделю Катаржина рвала и метала. В дело вмешался Берт. О продаже негативов не хотел сначала даже разговаривать, но, когда она предложила ему три тысячи крон, только засмеялся. Запросил пятьсот марок.

— Беда в том, что кроны его не интересуют, он признает только валюту. А у меня ничего нет, я всегда ее меняла на боны или продавала. Вот только сто пятьдесят долларов, ты знаешь откуда. Я собиралась со всем этим покончить, ну и немного погоропила. На Сильвестра Берг нашел каких-то американцев, если с ними пойду, он вернет мне негативы вместо «гонорара»... Не сердись, Борек, но мне придется идти...

— А он точно вернет? Не будет тебя потом шантажировать?

— При мне запечатает их в конверт и отдаст одному американцу, а тот мне вечером под Новый год вручит.

Я пожал плечами.

— Делай, как знаешь, Катаржина. Мы с тобой договорились, и наш уговор действует до конца года.

— Клянусь, что мне страшно этого не хочется, Борек, но, сам видишь, другого выхода нет... Может, ты что-то другое предложишь?

Мы ломали над этим голову целый день, строили самые фантастические планы, но так ничего толком и не придумали. Вечером всей компанией отправились в «Дельту», и тут, как назло, в баре оказался ВГ. Заметил Катаржину раньше, чем она его, пригласил на танец и стал уговаривать отправиться, как обычно, в башню. Но Катаржина от него удрала. Перед уходом сунула мне ключ, я стал отказываться, но она даже слышать ничего не хотела.

— Можешь проверять там, сколько хочешь, я еду домой в Костелец. Я не знала, что он здесь, честное слово. Он только что приехал, звонить я ему запретила, так что он отправил телеграмму. Завтра возьми ее на вахте... Ну, пока!

Она уехала ночным поездом. А я не поехал в башню: доверие за доверие.

Телеграмма на вахте действительно была: «Приехал в Прагу жди в семь вечера у тети. В.».

Его звали Вильгельм Гауфф, по-чешски он не знал ни словечка. Катаржина сама ему писала тексты телеграмм, он вставлял только время.

Словом, она ничего не утаила от меня из своего прошлого и убедила в том, что твердо решила порвать со всем этим. Оставалась только сильвестровая авантюра — ну да черт с ней! Это будет только паршивый эпилог паршивого года. Следующий будет гораздо лучше, потому что будет только наш.

Берг, как видно, на заморских гостей сильно рассчитывал. Даже приставил к Катаржине телохранителя. Четыре дня в горах промелькнули незаметно, и только одно-единственное утро мы с Катаржиной сумели отвоевать для себя. Она дежурила, все остальные отправились кататься на лыжах, а я «приболел». До самого обеда мы любили друг друга. Ночь я проспал рядом с Зузаной, и больше нам уединиться не удалось. Разве что пару поцелуев украдкой.

В последний вечер Гонза организовал прощальное гулянье. Он уже успел вылечиться от детской влюбленности в Катаржину и полностью переключился на Мирку. Она оставалась с ним каждую ночь, а Катаржина спала в своей комнате одна. Я,

однако, пойти к ней не решался. Из-за Зузаны. С нею я решил покончить, как только уедет Катаржина.

На гулянке я много пил, но хмель меня не брал, я сидел в полной меланхолии и думал только о своей любимой, обнимал ее глазами и мучился, представляя, как уже завтра она будет лежать в объятиях какого-то паршивого американца... Ах, эти чертовы, тысячу раз проклятые негативы!

Тем временем вечеринка длилась и длилась, только около часа ночи все устали. Первой поднялась Катаржина.

— Ну, что, детки, пора и баньки,— засмеялась она.— Завтра утром панна встала и к автобусу побежала...

Я даже рассердился: отчего это она вдруг заторопилась в постель? Хорошенько отдохнуть, чтобы с честью завершить свою карьеру проститутки?

Мирка расхохоталась:

— Браво, Катаржина! Насчет панны — это ты про себя?

— Нет, про тебя,— отрезала Катаржина и направилась в прихожую, добавив на пороге: — Мужчинам вход запрещен, дамы — вперед!

Алена с Миркой отправились за ней, чуть помедлив, двинулась следом и Зузана. Я остановился в дверях, прислушиваясь, что делается в коридоре. Девчонки чему-то смеялись, громче всех — Мирка. Алена, которая порядком была под газом, провозгласила, что идет умываться снегом и кто не трус, пусть идет с нею. Но никто, как видно, этим не соблазнился, так что она очень скоро вернулась.

— Там бешеная вьюга,— услышал я ее слова,— бешеная! Интересно, как вы утром доберетесь до автобуса.

Катаржина сказала:

— Не волнуйся, вниз уж как-нибудь доберемся.

— Гонза обещал нас проводить. А с Гонзой... С ним хоть на край света! — добавила Мирка.

Все еще широко улыбаясь, она вернулась в кухню, а мы с Павлом, наоборот, вышли в коридор. Алена крикнула: «Всем доброй ночи!» — и Павел посветил ей фонариком, чтобы она могла забраться наверх. Потом он плеснул себе на лицо водой и по лесенке отправился следом за ней. Чуть погодя Катаржина тоже завершила свой туалет, отложила зубную щетку, а я обнял ее и поцеловал. Она легонько меня оттолкнула, шепнула: «Не сходи с ума», — и выбежала на кухню.

Я поспешил за нею, но увидел только ее спину. Потрепался в кухне с Миркой и Гонзой, докурил сигарету и отправился в уборную. На дворе и в самом деле бушевала настоящая вьюга. Я даже побоялся отойти от избы, чтобы не заблудиться. Когда возвращался, заметил у сарая мужскую фигуру, даже в двух шагах в этой снежной круговерти я с трудом узнал Гонзу. Он стоял неподалеку от крыльца, подставив лицо под секущий поток снежинок. Метель не собиралась утихать. Мне пришло в голову, что, если к утру не уляжется, Катаржина с Миркой не сумеют уехать, и на секунду я даже обрадовался. Но только на секунду. У меня тут же мелькнула мысль, что тогда Катаржине не удастся заполучить компрометирующие негативы... Нет, луч-

ше уж кончать с этим сразу. И меня охватила злость на Катаржину. Пятьсот марок, каких-то дурацких пять сотен марок! Если бы она не поторопилась от них избавиться, сейчас передо мною не стояли бы такие неразрешимые проблемы. А что я вообще могу решить? Абсолютно ничего. Мне остается только бессильно наблюдать и безвольно участвовать в той шахматной игре, которую разыгрывают другие и куда я, незаметная пешка, случайно впутался.

Проклятая, дерьмовая жизнь!

Так я стоял у завалинки, а возле уборной Мирка кричала что-то о непорочной деве и рождественской метели. Откуда она там взялась, Бог ее знает, я даже не приметил, как она вышла из хаты. Еще я слышал, как покатывается со смеху Гонза, как валяет дурака, не обращая внимания на мороз и ветер. И вдруг я сообразил, что их дурашливая веселость дает мне последнюю возможность встретиться с Катаржиной наедине, ведь кухня пуста, а она одна в своей комнате.

Я зашел в сени, но, очутившись за порогом, остановился. Заколебался. Есть ли смысл разговаривать с ней?

Гонза с Миркой скоро вернутся в избу, так что надо решать. Да поскорее. А я все стоял, не двигаясь, чувствовал, как у меня дрожат колени, и злился, теперь уже на себя. Мужик я или баба? Рохля, дурак да еще и рогоносец...

Когда вернулся в комнату, Зузана стояла у окна и раздевалась. Свет не горел, но камин отбрасывал достаточно света, чтобы я мог видеть, как она стягивает через голову свитер и расстегивает бюстгальтер; правда, все это нечетко, размыто, словно в театре теней. Мы не обменялись ни единым словом, даже не пожелали друг другу спокойной ночи. В голове у меня образовалась какая-то пустота, спать я не мог, думать — тоже. Да и о чем?.. Я выкурил три сигареты, а когда зажигал четвертую, раздался ужасный крик Мирки, и до меня долетело страшное слово — убийство!

Я сразу же вспомнил слова Катаржины: «Ты не знаешь Берта, он бы меня ликвидировал...» — и повторял их про себя, точно заклинание.

Убила ее Мирка, твердил я точно в лихорадке, Мирка, Мирка, Мирка... Перед тем как выйти в коридор, она была с Катаржиной одна. Я набросился на Гонзу, но все равно знал, что он не мог убить, только Мирка могла. А она стояла передо мной, загораживая выход, точно кошка, подстерегающая добычу, разъяренная и мстительная, и плела какие-то небылицы о шантаже, о деньгах и побеге через границу. Я не в силах был что-то ответить, чуть с ног не валился от усталости. Ночь, когда я боролся с собой, стараясь сохранить внешнее спокойствие, изнурила меня до предела, но я обязан был доиграть свою роль до конца, потому что любил Катаржину. А можно ли рассказать теперь о ее блокноте, спрятанном у меня в рюкзаке? Но ведь Мирка и так что-то знает, а Гонза ее поддерживает. Если они станут читать Катаржинин «дневник любви», то совсем поверят Мирке. Все будет играть ей на руку, и мне никого не удастся убедить, что я не вымогатель и не убийца.

— Проклятая девка, ты мне дорого заплатишь! — выкрикнул Борек и побледнел как мертвец, потом умолк и с трудом проглотил слюну. Мне показалось, что он вот-вот задохнется.

Мирка не обиделась на эти слова, только мрачно усмехнулась. Все еще стоя в дверях, внешне спокойная, с высоко поднятой головой, она не спускала глаз с Борека и с каким-то удовлетворением следила за тем, как его охватывает бессильная ярость.

— Сволочная девка, — с ненавистью продолжал он, — обыкновенная проститутка, которая спит с мужиками за деньги...

— Прекрати, Борек, — вмешался я, изображая гнев, но мне было ясно, что он совсем недалеко от истины, что Мирке, да и Катаржине, нечего было бы возразить, что обе они давно уже овладели той самой древней профессией в истории человечества, которая в нашей стране во второй половине шестидесятых годов двадцатого века получила точное и меткое название — тузексовка.

— С какой стати я должен прекратить? — отрезал Борек. — По-твоему, пусть она меня забрасывает грязью, называет воров, вымогателем и даже убийцей, а мне остается только любезно улыбаться и твердить: «Дорогая, вы ошибаетесь...» Сам прекрати пороть чепуху, Гонза.

— Ради Бога, перестаньте, — громким шепотом вмешалась Зузана. — Давайте лучше разойдемся по комнатам, как предложил Борек.

— Это самое умное, что мы можем сделать, — быстро поддержала ее Алена. — А то мы уже начинаем кусаться как собаки. Скоро и подеремся.

— Что драка! У нас уже случилось кое-что похуже, — напомнила ей Мирка. — Если у тебя такая слабая память, сходи в соседнюю комнату и погляди.

— Замолчи, замолчи, ну, пожалуйста! — истерически выкрикнула Алена, рухнула на табуретку и зажмурилась. — Я... Я больше не могу... Пошли отсюда... Павел, забери меня отсюда!

Павел растерянно стоял у стола напротив нее, и было заметно, что он ничего не соображает, не может связать концы с концами, словом, полностью выпал из игры, ему хватило сил только успокоительно пробормотать:

— Аленка, ну, ладно тебе...

Мирка отошла от дверей. Легонько пожав плечами, она горько улыбнулась и заговорила, и в голосе у нее звучали насмешка и жалость:

— Вы сами желали знать правду. А стоило мне рассказать вам одну только каплю, и вы уже затыкаете уши.

— Вот ты и проговоришься, — прервал ее Борек, который все еще не хотел сдаваться. — Значит, в твоих словах только капля правды.

— А с тобой я вообще не хочу о ней разговаривать, — возразила Мирка. — Я точно знаю, что Катрин привезла много денег. И я догадываюсь, где она их держала. Она привезла такой

маленький чемоданчик... Ну, там краска, кремы, помада... Все, что требуется женщине.

— Верно,— подтвердила Аленка,— привезла. Она мне вынула из него растворитель для лака. Этот чемоданчик у нее был на ночном столике.

— Можно проверить, есть ли он там и сейчас. Но зачем нам Катина косметика? — спросил Павел.

— Незачем,— отрезала Мирка,— совершенно незачем, можешь себе представить. Я говорю не про тот чемодан, где косметика. Видишь ли, парень, она везла с собою два. Странно, не правда ли? Я заметила его, когда мы на Штепана разбирали свои рюкзаки. Случайно. Она его вынула и сразу же сунула обратно. А потом он из рюкзака исчез. Она все оттуда вынула и положила в ящик. А второй чемоданчик, скорее даже несесер и кожаный, светло-коричневый, с «молнией», она спрятала под тюфяк. Я обнаружила его вчера утром, когда стелила простыню. Деньги были точно в нем, интересно только, есть ли он там и сейчас. Если вы такие храбрые и так страшно хотите знать правду, можете проверить. А меня оставьте в покое, меня уже тошнит от вас и ваших разговоров...

Она умолкла. На последних словах ее хрипловатый, но приятный голосок упал до едва разборчивого шепота. Потом она придвинулась ко мне, легонько взяла за локоть и чуть покачала. Она даже попыталась улыбнуться, печально и устало, но попытка так и осталась попыткой. Губы, которые должны были изобразить улыбку, только чуть приоткрылись, искривились и снова сжались. Потом она села на постель, на самый краешек, прямая, неприступная. Две-три секунды сидела так, точно окаменевшая, потом наклонилась вперед, оперлась локтями о колени, голову положила на ладони, плечи у нее задрожали, она потянула носом воздух, всхлипнула и тихо заплакала.

Пока она говорила, никто даже не шевельнулся, мы молча следили за нею, как за актрисой, произносящей захватывающий монолог, Павел хмурился, а Зузана с Аленой, словно сговорившись, сидели, приоткрыв рты, со страхом и удивлением в глазах. Но я следил в первую очередь за Борексом. Сначала его лицо не выражало ничего, кроме апатии, но по мере того, как Мирка ровно и монотонно произносила свою речь, безразличие сменилось любопытством, любопытство — тревогой, а тревога — какой-то неопределенной смесью боли, страха и смятения. Я понял, что Борека не понимает, о чем идет речь.

За обледеневшими окнами пронзительно выла и свистела нескончаемая метель. Она то стихала на мгновение, то вновь налетала с удвоенной силой, точно хотела сорвать избу с фундамента и разбить ее вдребезги о скалистые отроги высшей неподалеку Козьей горы.

Наконец заговорил я. И даже испугался своего голоса, так хрипло и сорванно он прозвучал.

— Давайте проверим. Павел, ты пойдешь со мной. И ты, Мирка, тоже. Пошарим под тюфяком.

— Никуда я не пойду,— проскулила Мирка,— не трогайте меня!..

— Тогда Борек,— сказал я.

Он закрутил головой и отказался:

— Зачем я вам нужен? Хватит и вас двоих.

— Нет,— уперся я,— ты тоже пойдешь с нами.

Борек уступил. Павел повернулся и отворил дверь в соседнюю комнату; у порога, однако, остановился и пропустил меня вперед.

— Если ничего не найдем,— предупредил я,— каждый покажет свои вещи, рюкзаки, бумажники, карманы и вообще. Общем всю избу от погреба до крыши. Не возражаете?

Ответом мне было гробовое молчание.

— Молчание — знак согласия,— заметил я и зашел в спальню Катаржины. За мною — Павел, последним — Борек. Дверь осталась приоткрытой, но ни одна из девочек даже головы не повернула. Зузана опустила глаза, Алена вообще зажмурилась.

Я остановился у постели, где лежало неподвижное тело. У меня засосало в желудке, но надо было поскорее с этим делом покончить, и я приподнял тюфяк и сунул туда руку. Тут же нашарил что-то мягкое, завернутое в тряпку, точнее, в полотенце, и вынул маленький сверточек.

Я указал подбородком в сторону кухни, Павел кивнул, а Борек туда направился. Он шел, точно на ходулях, тяжело и неуверенно, споткнулся о порожек и чуть не упал, но в последнюю минуту успел схватиться за край стола и остановился, ухватившись за стол с такой силой, точно боялся, что он куда-то исчезнет.

Я осторожно положил на стол светло-коричневую кожаную коробочку, которую вынул из полотенца.

— Все верно, она держала ее под подушкой,— произнес я и с большим облегчением добавил: — Мирка говорила правду.

— Погляди, что внутри,— сказала подошедшая к столу Мирка.

Я помешкал. Борек оторвался от стола и нетерпеливо выкрикнул:

— Да открывай же, чего ждешь!

И замер, широко расставив ноги, не отводя взгляда от несесера. Глаза у него блестели, как у больного.

Я взял коробочку в левую руку, а правой расстегнул «молнию». Коробочка открылась, и я вынул белый продолговатый пакет, аккуратно перевязанный красивой зеленой лентой.

— Ну, что? Будем смотреть дальше? — спросил я, стараясь держаться спокойно, и быстро окинул взглядом всю компанию, проверяя, как они отреагируют на мой провокационный вопрос.

Зузана промолчала. Алена нервно кивнула, а Борек и Мирка в один голос выкрикнули:

— Да!

— Как хотите,— сказал я, отодвинул коробочку и взял пакет в руки. Мне даже не надо было развязывать ленту, пакет был мягким и упругим, я легко ее стянул и уронил на стол, а потом развернул бумагу и высунул туда же все содержимое.

— О Господи! — выдохнула Алена и протянула руку, видимо,

чтобы убедиться, что это не сон, но тут же испуганно ее отдернула.

— Не может быть! — прошептал Павел и повернулся к Мирке, словно ожидал от нее объяснений. Но Мирка смотрела на стол с тем же удивлением и едва ли не благоговейным ужасом.

На клетчатой скатерти в свете трех свечей рассыпалась целая грудя банкнот, добрых сто, а то и больше тысяч, и у нас, студентов, привыкших стрелять пару крон до стипендии или денежного перевода от родителей, перехватило дух.

Я разложил банкноты неровным веером. Насколько сумел разобрать, тут были доллары, марки, швейцарские и французские франки, английские фунты, югославские динары, шведские кроны и голландские гульдены, новенькие или потрепанные, походившие по рукам, они играли всеми красками — от светло-зеленой до темно-синей и фиолетовой, все эти десятки и двадцатки, сотенные и полусотенные. На одном краю веера лежало шесть или семь стодолларовых бумажек, чуть дальше, почти посередине, покоились банкноты с изображением нахмуренного мужчины в профессорском берете, их было больше всего, не меньше четырех сотен, и на каждой из них красовалась единичка, дополненная двумя пузатенькими нулями, а чуть ниже, у самого краешка, над светлой каемкой, виднелись энергичные подписи финансовых чинов федеральной республики, а рядом с ними теснились еще и еще самые разнообразные сокровища, заканчиваясь несколькими тузексовыми стокроновыми бонами.

— Нет, это мне снится, — закрутил головой Павел, я только негромко свистнул, Зузана, обхватив руками горло, отодвинулась подальше от стола, Борек, похоже, собирался упасть в обморок, а Алена вздрагивающим голосом прохрипела:

— Откуда это у нее?

Вопрос был скорее всего риторический, но Мирка не оставила его без ответа.

— Однажды я вам уже посоветовала, чтобы вы как следует расспросили Борека, он вам все растолкует. Вся информация у него в руках...

— Нет, — возразил Борек, — я ничего не знаю. Она меня обманывала. Она меня только обманывала... Только обманывала! — Шатаясь, он сделал несколько шагов и остановился возле дверей. — Ей нужно было пятьсот западногерманских марок на негативы. Улики... А у нее столько не было. Поэтому она и должна была вернуться на Сильвестра в Прагу, чтобы заработать их, иначе Берг не вернул бы ей негативы. Пятьсот марок... — Он вернулся к столу, сгреб банкноты в кучу и вытащил оттуда пять бумажек. Тех, где хмурился мужчина в берете. — Дурацких пятьсот марок. А марки-то — вот они! Паршивая мелочишка, верно? — Он безнадежно махнул рукой. — Интересно посчитать, сколько тут раз по пятьсот марок...

— Про какие негативы ты говоришь? — воскликнула Мирка. — Про какие улики?

— Про те, которые были у Берта... Ну, этот ваш менеджер из «Метрополя»...

— Чепуха! — решительно заявила Мирка. — У Берта никаких

негативов не было. Улики против Катаржины? Откуда! Она сама дала ему свои фотографии. А сделал их ее художник. К тому же она была на них в вечернем платье.

Борек уронил пять сотенных бумажек на стол.

— Вот видишь, я ничего толком не знаю, абсолютно ничего. Так что оставьте меня в покое. Деньги нашлись, убежать мне не с чем, я иду в свою комнату...

Он направился к дверям, поникший и жалкий. Все провожали его глазами, Зузана — грустно, а Мирка — презрительно, разве что не плюнула вслед. Павел с Аленой обменялись короткими испуганными взглядами, и я вдруг понял, кто убил Катаржину, кто был тот единственный, кто имел возможность и повод, чтобы ее убить.

— Стой! — крикнул я Бореку, открывавшему дверь в коридор. — Останься здесь, понял? Останься здесь вместе со всеми!

Он молча повиновался. Медленно прикрыл дверь и скорее упал, чем сел на ближайшую табуретку.

Я негромко спросил Мирку:

— Может, все-таки что-то нам расскажешь? Ты ведь наверняка знаешь, откуда у Катаржины эти деньги. Ты все прекрасно знаешь.

Мирка вздохнула.

— Всего я не знаю, Гонза, правда, не знаю. А вот откуда у нее эти деньги... — Она помолчала, кончиком языка облизала губы, тряхнула головой и с досадой и злостью выкрикнула: — Да вы что — такие дураки, что никак не можете догадаться, как такая красивая девчонка может достать деньги? Да она их заработала. За-ра-бо-та-ла! Желаете услышать, каким образом?..

Могучий порыв ветра снова встряхнул нашу избу.

— Ну и буря, — произвольно вырвалось у Павла. — Прямо страх и ужас!

Мне все осточертело, но не бросать же на подороге. Надо было идти до конца. Поэтому я задал Мирке следующий вопрос:

— Как долго Катаржина промышляла тузексовкой?

— Насколько мне известно, почти два года. А может, и больше, — выпалила Мирка.

— Борек, а ты давно об этом узнал?

Взгляд у него был как у затравленного зверя, кончики губ дергались, но он все-таки ответил:

— Где-то в конце октября...

— Ну, а вы?.. — обратился я к остальным.

— Ты что, Гонза, чокнулся? Я и понятия об этом не имел. Катаржина и... — Он умолк и недоуменно покачал головой.

Я обратился к Алене:

— А ты?

— Я догадывалась, что она совсем не такая, какой кажется. После остановки в Гоницах у меня появилось подозрение, но... — Она махнула рукой в сторону денег. — Но об этом... Нет, об этом я ничего не знала.

Я повернулся к Зузане:

— Значит, остаешься только ты, Зузана. Когда ты узнала тайну Катаржины?

— На вечеринке в «Дельте», — пробормотала она. — Раньше я тоже ни о чем не догадывалась.

Я шагнул к столу, одним широким движением сгреб деньги в кулак, кое-как подровнял их, завернул в помятую бумажку и сунул обратно в кожаную сумку. Задернув «молнию» и швырнув Катину сокровище поближе к чадающей свече, я произнес:

— Значит, Алена все-таки кое-что заподозрила.

— Я? — растерянно выкрикнула Алена. — При чем тут я?..

— При чем? Ну, скажем, ты кое-что подметила. Я говорю про «Дельту». Пузатый немец знал Катаржину по имени и обратился к ней «Fräulein Katherine», а вовсе не «Fräulein, darf ich bitten», как старался нас убедить Борек. И, конечно же, ему не надо было узнавать ее по фотографии в «Штерне», как сама Катаржина пыталась убедить Павла.

— Какой немец? — прервала меня Мирка. — Такой низенький, лысенький?

— Точно, — кивнул я. — Знаешь такого?

— Это у нее был самый лучший... друг, — ответила Мирка.

— Ну да, теперь ты готова на нее все помои вылить, — неуверенно возразил Борек и, поколебавшись, добавил: — Но она с ним не пошла. Я точно знаю, что в ту ночь она уехала домой, в Костелец.

— Ничего ты не знаешь, — ледяным тоном вмешалась в разговор Зузана. — Ничего-то ты не знаешь, Борек... Она пошла к нему в номер. Я сама видела. Она ожидала его в коридоре, в уголке отдыха... А ты и не знал ничего.

— По-твоему, он ничего не знал, а на самом деле видел Катаржину насквозь! — с жаром кинула Мирка. — Она сама мне призналась, что он ее держит в кулаке. Из-за этого она сюда и приехала. Пришлось. Он ее заставил.

Не успел Борек опомниться, как Зузана пришла ему на помощь:

— А теперь ты путаешь, Мирка. Борек совсем и не хотел ехать в горы. На святки он заболел гриппом, ему было очень плохо...

— О Господи, Зузанка, — прервала ее Мирка. — Да проснись же ты наконец! Перестань его защищать!

— Борек хотел ехать, Зузана, — вмешался я. — Только от тебя ему хотелось избавиться.

Зузана отвернулась к окну, чтобы не встретиться со мною взглядом. Она прекрасно понимала, что у меня нет причин ее обманывать.

— Еще в первый день, когда мы поднимались от остановки наверх, мне пришло в голову, что Борек изменяет тебе с Катаржиной. Помнишь, он забрал у нее рюкзак, а на тебя даже не обратил внимания. Во время ужина и особенно утром, когда они вдвоем остались в избе, я убедился в этом окончательно. Удивился, правда, но не особенно переживал. Откуда мне было знать, что ты так привязана к Бореку и готова даже убить ради него?

— Неправда! — выкрикнула Зузана, но голос ей изменил, и она отчаянно завертела головой.

Я торопливо продолжал:

— Я никак не мог понять, кто и зачем убил Катаржину. Потом стал сопоставлять разные факты и постепенно исключил из числа подозреваемых Павла, а чуть позже и Алену. Павел уже когда-то ухаживал за Катаржиной, но она его отшила. Алена, конечно, ревновала чисто по-женски, но особых поводов для ревности у нее не было. Потом меня сбили с толку Мирка и ее обвинения в шантаже. Я ведь поначалу понятия не имел, чем можно было Катаржину шантажировать. Пока не нашли всю эту «мелочишку». Ясно, что шантажировать было чем. И ради чего. Тут впервые я увидел Кат в реальном свете. Но Бореك действовал вовсе не ради денег, не такая уж он сволочь. Скорее всего он и не догадывался о ее заработках, так же, как и все мы. Да он еще сам был готов ей помочь. Если не ошибаюсь, она наплела ему, что ей нужно пятьсот марок для выкупа каких-то удик, и он бы спокойно отпустил ее в Прагу на заработки. Не любовник, а чудо, аж плюнуть охота. Но наверняка он мало что знал про свою красавицу, ну, разве что пронюхал кое-что и прижал ее к стенке, а она обвела его вокруг пальца... В общем, это не важно. Важно то, что ей пришлось с ним спать, и ты, Зузанка, об этом узнала. А после ужина в «Дельте» догадалась, почему она не может его отшить, хотя любовь-то у нее продажная, надо только предложить ей хорошую цену, и все будет в порядке. И вот этого ты, Зузана, выдержать не могла. Ты любила Борека, очень любила и не хотела, чтобы он связался с проституткой. Вот поэтому и убила ее...

— Нет,— с трудом произнесла она.— Я не убивала, Гонза...

— Докажи, что я не прав, и я попрошу у тебя прощения. На колених! Причем с радостью...

— Да нет, нечего тебе просить прощения,— тяжело вздохнула Зузана. Она явно держалась из последних сил.— Я хотела от нее только одного. Чтобы она оставила Борека в покое. Ничего больше...

— А когда вы об этом говорили?

— Вчера после обеда,— ответила она,— когда вы с Бореком, Павлом и Аленой уехали в деревню.

— Вчера? — удивилась Мирка.

Зузана горько усмехнулась:

— Да, ты была при этом.

— Но ведь вы болтали про какую-то портниху... — напомнила Мирка.

— Это при тебе. Как только ты появилась, Катаржина перевела разговор. А до этого мы говорили про Борека. Я сказала, что мне все известно и что я не позволю ей ходить с ним. Ни тайно, ни открыто. Иначе...

— Иначе?.. — подхватил я.

— Иначе всем расскажу, чем она занимается.

— А Катаржина?

Зузана пожала плечами.

— Ничего. Потом в кухню зашла Мирка.

— Значит, вы не договорились,— заметил я,— и поэтому

ночью ты снова пришла к ней.— Я махнул рукой, остановив ее слабую попытку возразить.— Пришла, Зузана, пришла... А может, не ты, а Борек?.. Алена с Павлом спали наверху, под крышей, мы с Миркой валяли дурака на дворе, так что остае-тесь только вы двое. Кто-то из вас зашел на минутку к Катаржи-не, то ли через кухню, то ли прямо из вашей комнаты, и ударил ее ножом, когда она собиралась надеть пижаму. Это могла быть только женщина. Или Катин любовник. То есть Борек...

— Борек не убивал Катаржину! — выкрикнула Зузана.— Нет! Нет!

— Нет! — согласился я и положил ей руку на плечо.— Он не убивал. Жалко лишать тебя последних иллюзий, но убить из-за любви ему не по плечу. А вот тебе — да! Кроме него, у тебя никого не было на свете, а Катаржина хотела отнять его у тебя... Так что, должен я просить у тебя прощения?

— Нет,— торопливо, словно в горячке, заговорила Зузана.— Я собиралась спать и увидела, как они с Борексом целуются в коридоре. В обед она меня уговаривала, плакала, жаловалась, что Борек ее шантажирует, а вечером пришла в себя, как видно, все хорошенько обдумала и от всего отказалась. Да еще и по-смеялась надо мной. Заявила, что ни с каким немцем в номере не была, что это просто клевета... Клевета или галлюцинация... Стала раздеваться передо мною догола и все повторяла: галлю-цинация, Зузанка, все это просто галлюцинация, ты же у нас немного с придурью...

На лбу у нее выступили крупные капли пота. Лихорадочно выпаливая слова, она уставилась на меня, но вряд ли видела что-нибудь, глаза у нее, обычно тусклые и невыразительные, расширились, разгорелись, точно у дикой кошки.

— Она сказала, что мне никто не поверит, все только посме-ются, а то еще и в психушку засадят...

Она умолкла, но вся сцена встала передо мною, как на экране. Нагая Катаржина, прекрасная, как греческая богиня, губы изогнуты в иронической усмешке, а напротив нее — Зузана, жалкая, пришибленная и ошеломленная, отчетливо представившая себе, что с такой соперницей у нее нет шансов на победу и что никто не поверит ее обвинениям. На мгновение она теряет равновесие и хватается за стул. Под руку ей попадает какой-то предмет, это кухонный нож. Она берет его, инстинктив-но соображает, что надо направить лезвие вперед, и наносит удар. Катаржина даже не поняла, что умирает. Может быть, только вздохнула и упала на постель, пижама свалилась к ногам, а ноги, длинные, стройные, обнаженные, дернулись и застыли. И только тут Зузана обнаружила, что ножа у нее в руке больше нет. Он торчал под левой грудью у Катаржины — страшно, прочно и неумолимо.

— Потом ты потушила лампу, ушла в свою комнату и заперла за собою дверь... Дай-ка мне ключ,— внезапно закончил я и про-тянул к ней ладонь.

Она вынула ключ из сумочки и молча отдала его мне.

Я уронил его на стол. Ключ звякнул и остался лежать рядом с кожаной сумкой, где покоились Катини деньги.

— Нож ты взяла на кухне? — уточнил я.

— Нет. Он лежал на столе в комнате. Сама не знаю, как он очутился у меня в руке... И все! Больше меня не трогай! Прошу тебя!.. Не бойся, я во всем признаюсь... Я ее не убила, я ее уничтожила. Как клона, как паука... А она и была паучиха...

Она встала и направилась к дверям. Даже не взглянула ни на кого из нас. Только, проходя мимо Борека, легонько коснулась пальцами его плеча, но не остановилась, даже не замедлила шаг.

После долгого, очень долгого молчания я произнес:

— Голову даю наотрез — она не понимала, что делала...

И представил себе битком набитый зал суда, трех строгих мужчин в мантиях и стоящую перед ними маленькую, жалкую Зузану, а потом длинные, нескончаемые, ослепительно белые коридоры сумасшедшего дома и разросшийся парк, обнесенный высокой стеной, — и все это за слишком большую, чистую и несчастную любовь...

Алена жалостливо всхлинула:

— Какой ужас! Такая милая девчонка...

Павел не произнес ни слова. Мирка тоже. Только резко выпрямилась, сидя на постели, и окинула Борека злым, откровенно ненавидящим взглядом. А мне хотелось ударить его, оглушить, свалить на землю и избить как собаку...

Добрых полчаса мы сидели на кухне, молча переживая про себя все случившееся. На дворе завывал нескончаемый буран, в печке потрескивали горящие полешки, а в избе стояла мрачная, благоговейная тишина, как в церкви.

Первой молчание нарушила Мирка.

— Надо бы к ней пойти... Нельзя бедняжку оставлять одну. Алена кивнула и встала:

— Правда, Мируш, пошли.

Они покинули кухню, но тут же вернулись, тяжело дыша и с вытаращенными глазами.

— Она ушла! — крикнула Мирка и сунула мне в руку маленький блокнотик в кожаной оправе, раскрытый почти посередине. Через весь разворот там было написано: «Ушла признаваться. Зузана».

Я стал машинально перелистывать блокнот, но, кроме этих трех слов, каких-то цифр, сокращений и адресов, ничего больше не обнаружил.

— Она взяла свои лыжи, — растерянно сообщила Алена. — А штормовку не надела, уехала в такую вьюгу в одном только свитере...

Я швырнул блокнотик на стол и выскочил в прихожую, а оттуда на крыльцо. Но, сделав несколько шагов, остановился. В лицо мне ударил ошалевший ветер, а в глаза хлестнул поток острых, высекающих слезы снежинок, и я понял, что это конец, что мне осталось только одно: стоять и бессильно вглядываться в непроглядную мглу этой бешеной, этой безжалостной круговерти.